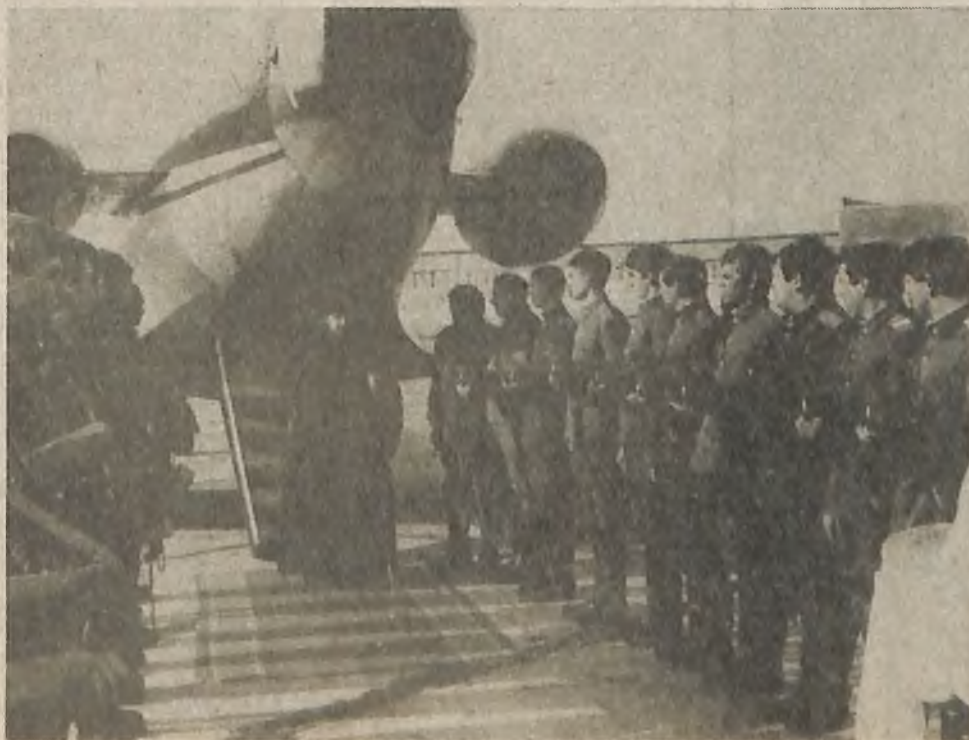

Сибирский ТРАКТ

- Пора "золотых фонтанов"
- Тобольские краеведы
- Праздник Медведя
- Федор Кузьмич: загадка веков
- Под пятой японцев
- Обитель над Иртышом

Соучредители газеты
"Сибирский тракт":

Газета "Согласие"

Тюменский Казачий Союз

Редакционная коллегия:

А. Васильев - редактор
В. Девятков - заведующий
отделом

В. Копылов
А. Омельчук
А. Петрушин

В номере

В. Девятков
Пора "золотых фонтанов"
- 2 -

Л. Улыбина
Школьное краеведение в
Тобольске.
- 5 -

В. Новицкий
К культу медведя у
вогулов
р. Сосьвы
- 8 -

А. Васильев
Его величество Старец
Второй
- 10 -

Т. Белим
Вся человеческая жизнь
- 14 -

Абалакский Знаменский
монастырь
- 16 -

И. Терентьев
Дом декабриста
- 19 -

А. Пилюгин
Софья и Софокл
- 21 -

А. Дергунова
Из истории села
Слобода--Бешкиль
- 22 -

В. Коптелов
"Буденный наш
братишка..."
- 24 -

Журнал "Гербовед"
- 32 -

§ К 50-летию образования
Тюменской области

Пора «ЗОЛОТЫХ ФОНТАНОВ»

В 1994 году вместе с полувековым юбилеем области исполнится 30-летие промышленной добычи нефти в Западной Сибири. Становление нового нефтяного района прошло насыщенный событиями путь. Началом подготовительного этапа развития здесь нефтяной промышленности считается создание в 1960 г. в Тюменском совнархозе отдела нефтяной и газовой промышленности. Начали организовываться небольшие пока предприятия; проектироваться и строиться первые нефтегазопромысловые объекты, готовиться технико-экономические обоснования освоения месторождений. А первую в Сибири нефть дала Мулымьинская площадь близ села Шаим из скважины, пробуренной геологоразведочной бригадой С. Урусова в сентябре 1959 года. В апреле 1960-го там же скважина №7 дала промышленную нефть — около 10 тонн в сутки. Наконец, в июне из разведочной скважины №6 забил фонтан — более 300 тонн в сутки. То была первая большая нефть Тюменской области. Вскоре были открыты Мегионское и Усть-Балыкское месторождения (1961 г.) — события стали решающими, они повлекли за собой открытия крупнейших нефтяных и газовых залежей в последующие годы, а в конечном счете предопределили бурное развитие в регионе нефтегазодобывающей промышленности. В мае 1962 года Совет Министров СССР принимает постановление «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири». Предусматривается целый комплекс технических, снабженческих, финансово-кредитных, строительных, научных и других мероприятий, чтобы обеспечить, как говорилось в документе, «предпосылки для организации новой крупной базы нефтегазодобывающей промышленности на востоке страны».

Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция в конце 1962 года получила на одной из скважин

фонтан с суточным дебитом 800 тонн. Такого Западной Сибирь еще не знала. Счет открываемым месторождениям пошел на десятки. В марте 1964-го — Южно-Балыкское, в апреле — на Ватинской площади, в декабре — на Пойкинской, возле Салыма. В ту пору только Сургутский район насчитывал 11 месторождений, двенадцатое открыл 2

декабря коллектив Правдинской экспедиции, возглавляемый Ф. Салмановым. В мае 1965 года «Тюменская правда» сообщила, что всего в области открыто уже 22 месторождения. События эти происходили весьма своевременно. Уже к 1965 году стало очевидным, что семилетний план по приросту запасов в России выполнен не будет. Старые районы выходили из строя, там открывали только мелкие месторождения. Тюмень же бурила какие-то проценты от союзного метража, но прирост запасов на метр проходки превышал средний по стране в шесть раз. Все внимание было приковано сюда, когда 29 мая 1965 года на имя начальника Тюменского геологического управления Ю. Эрвье поступила радиограмма начальника Мегионской нефтеразведочной экспедиции В. Абазарова: «На скважине Р-1 Самотлора в интервале 2123-2130 метров получен нефтяной фонтан. Скважина на отработке. Визуальный дебит более 300 кубометров в сутки».

Спустя месяц стало ясно, что за фонтаном на этой скважине стоит открытие самого большого по запасам нефтяного месторождения Западной Сибири, многопластового, притом расположенного в не так уж сильно отдаленном районе. Новое испытание скважины Р-1 дало более тысячи тонн в сутки. В 1966 году намечалось промышленную добычу нефти довести к 1970 году до 5 млн. тонн — извлекли 31 млн. Газеты запестрели заголовками типа: «Открытие века», «Край, устремленный в будущее», «Тюменское ускорение», «Испытание Самотлором», «Шаги нефтяного исполина».

Эйфория охватила почти всех. «Геологи сделали Тюмень современной легендой... Прежде всего поражают воображение масштабы и размах работ. В своей книге «Возрождение» Л.И. Брежнев так оценивает освоение Западной Сибири: «Это поистине великая стройка нашего времени, превосходящая по своему размаху, по объему капиталовложений, по сложности технических и

транспортных задач все, что было у нас в прежние годы и пятилетки...».

Таким образом, страна создала новый крупный экономически развитый район. Сформирован современный индустриальный потенциал, накоплен опыт, есть хорошая база, прочный фундамент, имея который, можно думать о серьезных перспективах, о дальнейшем движении вперед». (Г. Лутошкин. Испытание Севером. Свердловск, 1979). Это сейчас литераторы, оправившись от «нефтяной лихорадки», клеймят геологов, нефтяников, строителей. А тогда...

...На устах —
Мансийский крик:
— О, Шаим! О, Шаим!
Слово хором говорим:
— О, Салым! О, Салым! —
Врозь и хором повторим.
Говор мой — за океаном,
За грядой далеких гор.
И звучит, как заклинанье:
— Мегион! Самотлор!..

Юван Шесталов.

Однако уже в середине шестидесятых прозвучали трезвые суждения в адрес «открытия века». «Аврал всегда порождает опасные перекосы. И если с помощью аврала можно выдрать палубу корабля, вытащить цех из прорыва, вытянуть заводской план, то превратить таежную глухомань в современный индустриальный центр авралом нельзя.

Хлынувшие в Сургутский район строители и нефтепромысловики оказались в положении человека, одетого с чужого плеча. Надо бы побыстрее шагать, да обувка тесна,

ноги трет. Надо бы размахнуться пошире, да узкий пиджак не пускает. А остановиться, перекрыть тесную, не по росту, одежду не дает план нефти — добычи.

Он беспощадно гонит вперед и

вперед. Вот и приходится на бегу перешивать...

Получаемые при испытании скважин сотни тысяч тонн первосортной нефти либо тут же сжигают, обогревая белый свет, либо спускают в озера и реки, морят рыбу. Зато котельные топят привезенными за тысячи километров углем или соляжкой...

Начата промышленная добыча нефти. Вступил в строй один, строится другой нефтепроводы. А куда девать сотни миллионов, миллиарды кубометров попутного газа — великолепного сырья и топлива? Их сжигают в факелах на ветру.

За многие тысячи километров везут в нефтяные районы пиломатериалы, от строительных плах до тарной дощечки, а сотни тысяч кубометров прекрасной древесины ежегодно вырубается на профилях, дорогах, стройплощадках и остается гнить там, где ее свалили...

Один из руководящих товарищей, выслушав все это, сказал не без самодовольства: — Да, у нас передний край, здесь люди проходят испытание на прочность». Эту пространную цитату взял из очерка Константина Лагунова «Нефть и люди», опубликованного в седьмом номере журнала «Новый мир» за 1966 год. «Нельзя молчать о длинных очередях на ветру и морозе за водой и хлебом, о столовых, в которых за столами сидят в промасленных полушубках и едят однообразную, невкусную, опостылевшую пищу, о безобразном пьянстве — следствии неустрашного быта, об антисанитарии, из-за которой каждое лето поселок охватывают эпидемии. Нельзя молчать потому, что все эти безобразия вовсе не результат недостатка средств или других объективных причин, а следствие безответственности и черствости».

Приблизительно в то же время на это обращал внимание Б. Щербина, бывший тогда первым секретарем обкома КПСС, — при планировании и проектировании

растущих сибирских городов совершенно не учитывалось культурно-бытовое строительство. Тогда, в шестидесятые, закладывался порочный фундамент, на котором невероятно быстрыми темпами возводилось здание нефтегазодобывающего комплекса. Иного мнения придерживался преемник Б. Щербины Г. Богомяков. «О стратегии и тактике

освоения новых районов. Бытует — и довольно прочно — такое мнение: прийти, построить город, железные дороги, аэропорты, речные причалы, а потом брать нефть... Мы убеждены, что все высказывающие такое мнение далеки от конкретного дела. Когда у нашей области появились высокие темпы развития? Когда промыслы стали давать по 20 и 30 млн. т. нефти годового прироста. Именно тогда, а не раньше мы получили возможность развивать соответствующими темпами

инфраструктуру. Лишь получив от тюменцев нефть, государство смогло широко финансировать и непроизводительное строительство в области». (Журнал «ЭКО», 1976, №5. Тюменский комплекс и его будущее).

Ускоренное развитие добывающих отраслей в регионе происходило дисгармонично. Последствия этого привели сегодня к серьезным неприятностям, прежде всего — к падению добычи сырья. В начале 1970 года пленум Тюменского обкома КПСС, на котором присутствовали руководители министерств нефтедобывающей промышленности, геологии, газпрома и другие, принял постановление, в котором прямо назывались узкие места и болевые точки. Прежде всего указывалось, что партийные органы подменяют собой хозяйственные, не обладая соответствующей квалификацией. Как следствие

— выпускают из рук инициативу: «На предприятиях и стройках, в геологоразведочных экспедициях медленно внедряются механизация и автоматизация производства, научная организация труда и управления, не используются в полной мере средства, выделенные государством, допускаются бесхозяйственность, растут объемы незавершенного строительства, плохо сооружаются базы

стройиндустрии и промышленности строительных материалов...» — говорилось в постановлении. (Нефть и газ Тюмени в документах.

Свердловск, 1971. Т. 1). То есть, пока шло наращивание темпов добычи, все больше отставали обзоры: строительство, научный прогресс, организация работ. И соцкультбыт. Зато в самом разгаре пора «золотых фонтанов».

Самотлор сравнивался по суточной добыче со старейшим нефтяным районом — Баку. В апреле 1975 нефть пошла в центр и дальше — через трубопровод «Дружба» в зарубежные страны. В декабре этого же года промыслы

Главтюменьнефтегаза вышли на первое место в стране.

В. Девятков.

P.S. «История самотлорской нефти — это зеркальное отражение истории СССР: героическое освоение природы, огромные лишения и серьезные по масштабам просчеты. Приехавшие сюда в 60-е годы люди, действуя во имя

построения социализма, осваивали негостеприимные просторы, добывая огромные количества нефти. Однако в конечном итоге жители этих районов могут мало что показать приезжему, если не считать неприглядных пейзажей».

*«Вашингтон пост»,
апрель, 1993.*

На снимках: Академик А. Трофимук с первооткрывателями тюменской нефти; геологи Шаимской экспедиции переезжают на новую площадку; первый фонтан Усть-Балыка, 1964 г.; Ф.

Салманов (справа) и В. Абазаров после вручения им Ленинской премии; Шаим, скважина №6.

Фото А. Космакова.

Школьное краеведение в Тобольске (1920-е годы)

Двадцатые годы в истории нашей страны — «золотое десятилетие краеведения». Наглядное тому доказательство развитие его в Тобольском крае. Здесь организуется Общество изучения края, унаследовавшее все лучшие традиции дореволюционного краеведения. В июне 1921 г. был утвержден первый Устав ОИК. Одно из направлений работы — связь со школой. Это соответствовало тогдашней политике правительства. К примеру, на IX Всероссийском съезде Советов (25 дек. 1921 г.) перед Наркомпросом поставлена задача «об усилении связи школьной и внешкольной образовательной работы со злободневными задачами как всей республики, так и данной области и данной местности». При Главполитпросвете были созданы школьный и экскурсионный отделы. Начало двадцатых годов в Тобольске неразрывно связано с деятельностью краеведа Г.И. Симонова, преподававшего в школе II-й ступени историю и словесность.

По его инициативе в программу обучения был введен курс «Тобольсковедение». В других школах читались лекции о сибиреведении. Сам он ежедневно выступал с публичными лекциями по словесности, которые сопровождалась экскурсиями по городу. Общество изучения края проявило инициативу в организации чествования памяти П.П. Ершова, считая, что юбилей поэта в 1915 г. (100-летие со дня рождения) и в 1919 г. (50-летие со дня смерти) были отмечены недостаточно. В дни чествования одной из школ присвоено имя П.П. Ершова. Было уделено внимание и организации юбилеев Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова. В местной прессе печатались методические советы об организации школьных выставок, посвященных творчеству писателей. В ноябре 1921 года разработано «Положение об экскурсионной секции», секцию возглавил Г.И. Симонов. Члены ее проводили лекции, организовывали курсы,

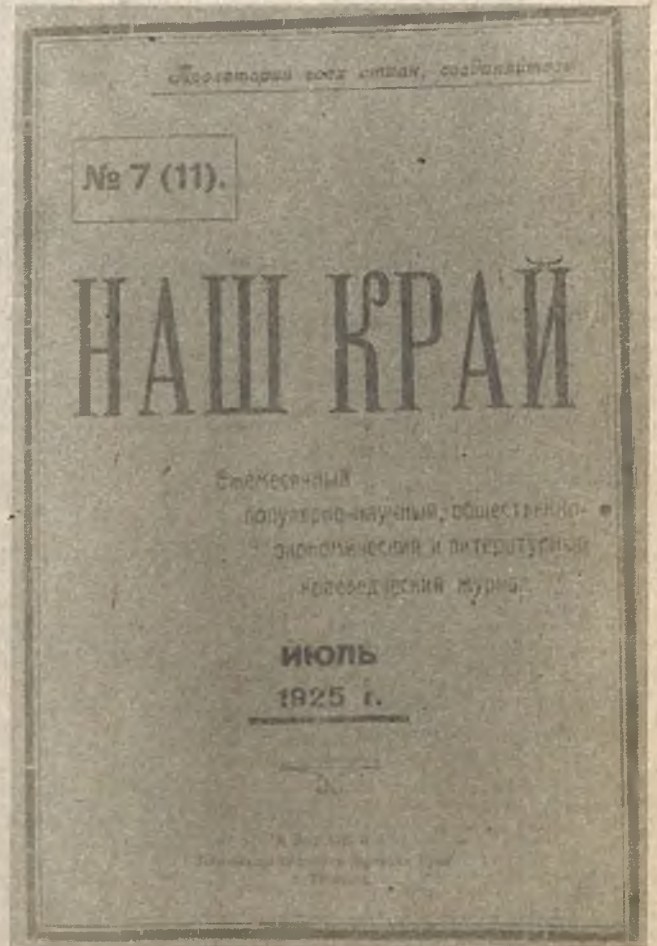
выставки, конференции, активно выступали в печати. Было принято решение о создании экскурсионной станции для приема туристов из других городов. За помощью обратились в Главполитпросвет, Наркомпрос и соответствующие организации гг. Екатеринбурга, Тюмени, Омска. В августе-сентябре 1921 г. школьные работники Тюменской губернии, в том числе и тоболяки, посетили Москву, где ознакомились с деятельностью музея им. Л.Н. Толстого и кабинетом по изучению жизни и творчества Н.В. Гоголя в гуманитарно-педагогическом музее. Опыт этой работы был положен в организацию кабинета по изучению истории г. Тобольска (открыт 31 апреля 1922 г.) и им. П.П. Ершова, первая демонстрация которого прошла на публичной лекции-выставке «Прошлое, настоящее и будущее Тобольска» 28 апреля 1922 г. Кабинет находился в школе второй ступени и был открыт для всех желающих. В его создании и дальнейшей работе принимали

участие учителя и учащиеся, родственники поэта. В кабинете Ершова, кроме экспонатов о его жизни и творчестве, были представлены сочинения и индивидуальные работы 69 учащихся об Обществе изучения края, о духовной семинарии и других учебных заведениях, о

города. На общем собрании Союза работников просвещения Омского железнодорожного узла Г.И. Симонов выступил с докладами «Почему и как надо изучать свой край», «Экскурсионная ценность г.Тобольска», «Экскурсии и их место в трудовой школе: очерк развития, виды, организация и

«Краеведение в школе». Г.И. Симонову и В.М. Новицкому, как преподавателям, дано поручение принять посильное участие в организации школьного краеведения. На заседании секции по охране памятников искусства и старины принимается решение о привлечении учащихся к их

музейно-экскурсионно-выставочном деле, об ученых-тоболяках Скалозубове, Пигнатти, Дунине-Горкавиче, а также сочинения тобольских поэтов Чукомина, Расторгуева, Маляревского и других. Привлечение к краеведческой работе самих учащихся способствовало расширению их кругозора, возбуждало интерес к истории своего края, воспитывало бережное отношение к природным и культурным ценностям. В июне 1922 г. при кабинете тобольского краеведения была открыта читальня по экскурсионному делу. Свой личный фонд для этой цели выделил краевед М. Копотилов. Пропаганда тобольского краеведения велась и за пределами

библиография». Доклады вызвали оживленную дискуссию, определенные критические замечания. На учительской конференции в 1923 г. подчеркивалось, что краеведение должно стать основной базой при преподавании всех предметов, а в выпускных группах выделить краеведение в качестве отдельного самостоятельного предмета, предоставив на его изучение не менее часа в неделю. Ежемесячно подводить итоги на собраниях преподавателей краеведения. Дальнейшей активизации школьного краеведения способствовало обращение Центрального бюро краеведения в местные организации с просьбой присылать материалы для сборника

реставрации, а также к сбору материалов о пребывании декабристов в Тобольске. Выступление на окружных педагогических курсах краеведов В. Новицкого, М. Копотилова, М. Тарунина, инспектора окрОНО Кусенко в июле 1924 г. способствовало созданию при Обществе изучения края педагогической секции, в школах — краеведческих кружков. На организационном собрании секции присутствовало 35 учителей школ 1-й ступени и педтехникума. Члены секции провели работу по реорганизации музея с целью приспособления его к школьной программе. На заседаниях разрабатывалась общая методика преподавания краеведения, велась

работа по созданию учебника и школьной краеведческой хрестоматии. Учащиеся педтехникума — члены кружка юных краеведов — приняли участие в организации выставки по экономике и быту туземцев. Инструкторами кружка юных краеведов были ссыльные студенты из Ростова-на-Дону, работающие в музее: Самко — энтомологом, Чаликов — ихтиологом. Общество изучения края ходатайствовало перед ГПУ о возможности предоставления им права совершать научные экскурсии. В начале 1925 г. в педагогической секции работало 28 человек. Они организовывали небольшие выставки (от 50 до 150 экспонатов), занимались описыванием специфики районов, поддерживали связь со школами. На собраниях (январь-март 1925 г.), на секции слушаны сообщения А. Фотеевой «От Тобольска до Обдорска», А. Ксенофонтовой «Крапивное производство на Тобольском Севере», И. Поповой «Река Иртыш», И. Струковой «Бассейн реки Таза» и др. В кружке юных краеведов за 1924-1925 гг. было заслушано 40 докладов, проведено 4 публичных научных собрания. Постепенно краеведение начало внедряться в программу обучения и сельских школ. Преподаватели и учащиеся педтехникума взяли шефство над деревнями Аремзяны и Еловка для проведения различных кампаний. В Еловке была открыта изба-читальня. Краеведческие ячейки созданы в селах Кондинском и Шеркальском. Сельским учителям помогали литературой,

налаживанием связей с администрацией, рассылкой инструкций и программ. Проблемы краеведения освещались в журналах «Наш край», который первоначально рассылался в школы бесплатно. В первом номере другого журнала «Тобольский край» была опубликована статья А.Г. Эрстова «Очерк состояния народного просвещения в Тобольском округе». К сожалению, издание «Тобольского края» в скором времени прекратилось. При содействии ОИК изданы «Опыты и наблюдения Тобольской сельскохозяйственной школы» И. Скрипова, «Декабристы в Тобольском крае» М. Копотилова, «Календарь Тобольской природы» М. Тарунина. Все они предназначались для школьных работников и не только для них. К примеру, в календаре природы были обобщены наблюдения за 9 лет в радиусе 20-30 верст от Тобольска. Таблица ежедневных среднегодовых прогнозов погоды оказывала практическую помощь промысловым работникам. К концу 20-х годов школьное краеведение в Тобольске прочно становится на плановую основу. При кабинете народного просвещения школьное краеведческое бюро занимается составлением краеведческих книг для учащихся школ первой ступени и организацией работы по обследованию учащимися своего района. Члены Общества изучения края приняли активное участие в работе окружного съезда по народному образованию, краеведческого

совещания, летних окружных педагогических курсов и курсов по повышению квалификации просвещенцев. Его представителям розданы анкеты о краеведении, в которые участниками курсов внесены соответствующие поправки. На совещании избраны особые уполномоченные по краеведческой работе: Зданевич, Сазонова, Молокова, Знаменский, Тимохина. На курсах просвещенцев освещены темы «Задачи и план краеведческой работы на ближайший год», «Изучение живой природы». Учителя получили практические навыки по сбору растений, птиц и млекопитающих животных, их препарированию и хранению, получили инструкции по организации школьных музеев и уголков. К сожалению, дальнейшее развитие краеведения было приостановлено или подверглось деформации в угоду властным структурам. Главполитпросвет упразднен. Многие краеведы не избежали печальной участи в годы массовых репрессий. Наш долг сегодня восстановить их имена, а лучшее из опыта краеведческой работы взять на вооружение. Любовь к своей малой родине не зависит от политических режимов. В душе каждого из нас она поселится раз и навсегда. Навечно.

*Л. Улыбина,
преподаватель Тобольского
педагогического института.*

§ *Миниатюры истории*

Наши животноводы любят читать произведения Горького

В числе художественной литературы в нашей библиотеке много книг пролетарского писателя Максима Горького. Он отражал героическую борьбу рабочего класса, поэтому многие читатели берут и читают произведения, написанные талантливым писателем.

Особенно любят читать Горького доярка Н. Решетникова, возчики силоса Виктор Дубинский и Петр Демин, телятница Петелина и учащаяся Н. Демина. Читатели ценят Горького за правдивое изображение жизни простых людей в царской России. Имя Максима Горького дорого и близко трудящимся советской

страны и далеко за ее пределами, как имя величайшего писателя-революционера, борца против царизма, против капитализма, за международную демократию, за мир.

*А. Гилева,
зав. Хохловской
библиотекой.*

К культу Медведя у вогулов р. Сосьвы

(Из дневника 1913 г.)

30 июля 1913 года... Сегодня мне пришлось присутствовать на празднестве вогулов Руссуйских юрт (р. Сосьва) в честь медведя. Объектом для почитания служили шкуры двух медведей, убитых, судя по их облезлому виду, уже давно. Празднество это интересно тем, что оно не случайно и не приурочено к только что убитому медведю. В праздниках этих та же периодичность, какая наблюдается, например, у гольдов, айнов, гиляков. Разница лишь в том, что вогулами празднество устраивается не ежегодно, как упомянутыми народностями, а через большие промежутки времени: шкуре самца-медведя — через каждые два года, шкуре медведицы — через 4 года. Уже вечерело, когда меня и моего спутника Г.П. предупредили, что празднество скоро начнется. Действительно, когда мы поднялись с берега на яр, где расположились юрты, стало ясно, что все вогульское население собралось в одном пункте: из дальней — направо от нас — юрты неслись крик, говор, пение (вогулы уже с утра, во время бескровного моления в лесу, начали пить водку), тогда как в остальных юртах было полнейшее безмолвие. Юрта, где собрались вогулы, была довольно вместительная, но низкая, с одним окном и низкою дверью. Последняя была открыта настежь, и из нее валил едкий дым, т.к. около порога внутри юрты стоял старый железный котел с тлеющим гнилым деревом, т.е. курево, преграждающее доступ многочисленным комарам. Нагнувшись и зажмурив глаза, мы перешагнули через порог. Мой спутник был большой, старинный приятель руссуйских вогулов, так что наше появление было встречено приветствием. — А! Гыршка, Гыршка! Гыргорий Палыч!!! — послышалось со всех сторон по адресу моего спутника,

когда я, пробравшись через адски-едкий дым курева, открыл глаза. Тотчас же Г.П. усадили пить чай на нары, за низенький вогульский столик, с положенными горкой кренделями и с несколькими кусками сахара. Тут же, на столике, стояло несколько чайных чашек и деревянная чашечка с рыбьим жиром. Мне предложили чай за русским столом, стоящим у единственного окна. Усевшись, я стал рассматривать окружающее меня. Кроме нас, меня и Г.П., остальные были вогулы — мужчины, женщины и подростки. Все кругом говорили с кем-то, кричали и пели. Женщины расположились несколько отдельно от мужчин, ближе к двери, частью на нарах, частью на полу, около курева и чувала. Мужчины помещались в передней части юрты. Чай все время сопровождался выпивкой; чару разносил хозяин юрты; начинал он угощение с себя, затем предлагал Г.П. и после него уже другим мужчинам, — прежде тем, кто был милее его сердцу. После мужчин не забывались и женщины, но только не все, а по выбору хозяина. Особенно не везло старухам. Забывал ли их хозяин угостить, экономил ли он драгоценную влагу, но только некоторым из них приходилось лишь завистливо-умиленно поглядывать, как более счастливая товарка с жадностью опрокидывала себе в рот чайную чашку с водкой; некоторые матери уделяли часть своей порции не только 7-8-летним подросткам, но и выливали в рот грудным детям. Ночь уже вступила в свои права. Юрта была слабо освещена огнем от чувала, и кто-то из гостей зажег жестяную лампу, висевшую на стене, около окна. Стало сравнительно светло, теперь лучше можно было рассмотреть все в юрте. В переднем углу висело 4 иконы, из которых можно было разглядеть

изображения Николая-Чудотворца и Божьей Матери. Ниже от нар, вдоль стены, находящейся против двери, тянулась широкая, длинная деревянная скамья, прикрытая оленьей шкурой, на которой стояли два аршинных сундучка; в последних лежал ситец небольшими отрезами, различные материи, кафтаны, ситцевые, шкурки соболя, лисицы, опояски, гарусные пояски, платки и еще много чего-то другого. Сундучки были наложены до верху, а поверх всего возлежали в особой позе два медвежьих чучела, у которых были набиты только головы, остальная же часть шкуры сложена вдвое, шерстью наружу. Передние лапы были вытянуты вперед и под них, как и под голову, были положены две толстых доски. Все это придавало шкурам вид двух лежащих медведей, положивших головы на передние лапы и наблюдающих, что перед ними творится. На место глаз и носа были приспособлены жестяные кружки, к когтям на красном шерстяном пояске было подвешено масса медных колец. Одна из шкур была меньших размеров. Кроме головы и передних лап, шкуры были накрыты материей. На шее большого медвежьего чучела лежала железная, четырехугольная, длиною до 20 см. и шириною в 6-7 см., соответственно изогнутая пластинка, разделенная двумя перегородками на три отделения. В первом было выпуклое изображение птицы, по фигуре глухаря или тетерева; во втором — зверя, соболя, и в третьем — охотничья сценка: стоящий на одном колене охотник натягивает лук с целью пустить стрелу в бегущего впереди него соболя. К нижнему краю пластинки подвешено несколько металлических рыбок. Мне кажется, что это есть нечто иное, как постоянная (пластинки лежат все время на шее медведя) просьба к медведю-покровителю послать хороший улов рыбы,

помочь убить поболее глухарей и соболей. Что это не дар медведю, в виде птицы, рыбы и зверя, а именно просьба о хорошей охоте, за это говорит охотничья сценка: проситель наглядно показывает, какой помощи он ожидает от духа медведя.

Шерсть медвежьих шкур обильно была смазана рыбьим жиром, что можно рассматривать, как дар или кормление жиром духа медведей.

На балке, проходящей над сундуками с медвежьими шкурами, висел новый ситцевый платок, а на стене, около окон, аршина 1.1/2 ситца. Все это были «приклады». На полу, около скамьи, стоял низенький вогульский столик, а на нем горка кренделей, раскупоренная бутылка водки и чайная чашка с вином. Это предназначалось исключительно как угощение духам медведей, т.к. до начала пляски к тому, что было на столике, никто не прикасался.

Около столика к скамье с медвежьими шкурами был привязан теленок, рыжий бычок; он был накрыт попоной с подвешенными по краю шоркунчиками, колокольчиками и янтарными бусами. Попона состояла из двух покрывал: верхнего — из простого черного сукна — и нижнего, из собственно попоны.

Накопец, чай и выпивка были прекращены, мужчины поднялись со своих мест, некоторые из них подходили и гладили теленка. Одна из старух, закрыв лицо шалью, поцеловала через нее медвежью шкуру.

Все к чему-то готовились.

Зажгли две восковые свечи перед иконами.

Жена хозяйина, взяв жестяную коробку-курильницу, окурила теленка три раза от морды до хвоста, по средней брюшной линии; после этого попона была снята. Женщины отошли к чувалу и к двери, и все взрослые мужчины встали позади теленка, лицом к медвежьим шкурам и поклонились им. Затем теленок был отведен на середину юрты, поставлен головой к медвежьим шкурам, и один из вогулов обухом топора ударил его по лбу. Теленок упал на левый бок. Все закричали и тотчас же перебросили его за ноги на правый бок, головою к сундучкам. В ту же минуту один из вогулов вонзил

теленку нож в бок, около лопатки, и оставил нож в ране.

Наступила тишина. Все молчали.

Теленок стал содрогаться, его поддержали недолго за ноги и оставили в покое. Все уселись на полу или на нарах, кругом царило по-прежнему молчание. Так прошло минуты две.

Затем один из вогулов повернул голову теленка мордочкой вверх, слегка наклонив по направлению к медвежьим шкурам, и все мужчины снова поднялись, выстроились в ряд, поклонились медведям и помолились богу. Женщины все время сидели позади мужчин у дверей и чувала и не принимали никакого участия. Затем нож вынули из раны. Снова все расселись, с минуту поддерживалось молчание, и опять все вдруг зашевелились, заговорили, и вся торжественность прошла.

Вскоре начали снимать шкуру с теленка. Сделав разрез от морды до хвоста, по средней брюшной линии, мужчины почти все приняли участие в съемке шкуры, а вогулки затем стали варить мясо в котле в чувале, мужчины же приступили снова к выпивке. Когда мясо сварилось, все начали есть. Мне и моему спутнику было предложено сердце, рыльце и челюсти. После еды началась пляска.

Описание тех телодвижений, которые проделывает пляшущий, я приведу ниже, здесь же упомяну только, что в пляске принимала участие и женщина довольно пожилых лет. Только перед тем, как плясать, она тщательно закрывала лицо шалью. По окончании пляски, трое молодых вогулов, лет по 21-25, надели длинные кафтаны — один белый, другой зеленый и третий пестрый, головы повязали ситцевыми платками, как носят замужние крестьянки (узел назади) и, сцепившись мизинцами друг с другом, встали в ряд перед медвежьими шкурами. Вогул в белом кафтане был средним в цепи. Все трое стали раскачивать взад и вперед руками, и вогул в белом кафтане запел песню. Пропето им было две песни на разные, хотя и простые, но довольно мелодичные мотивы.

Вот содержание их. Дело было на Урале. Один вогул пошел на охоту и встретился с медведем. Охотник был вооружен топором, стрелами и

ружьем. Увидев медведя, охотник обращается к нему с речью, что топором он его, медведя, рубить не будет, а выпустит лучше в него стрелу. Охотник успокаивает далее медведя, что стрела его чиста, не запачкана чем-либо нечистым. В другой раз охотнику снова пришлось повстречаться с медведем, и, желая его убить, охотник говорит, что теперь убьет его из ружья. И тут же успокаивает медведя, что ружье его чистое, хорошее. В другой песне говорилось о том, что медведь все слышит, все видит и все знает.

Во время этой песни один из трех (не поющий) многозначительно показывал головой в знак того, что это верно и приговаривал: «Так! Верно!».

Пение окончилось, и снова началась пляска; несколько мужчин вытащили из сундучков опояски, подпоясались, выстроились в круг, и каждый из них стал приседать, подвигаясь в то же время вперед и снова выпрямляясь во весь рост. Руки также были в движении: пляшущий то подманивал ими кого-то, то отталкивал.

Я затрудняюсь вполне наглядно описать все телодвижения пляшущих вогулов, могу утверждать только то, что некоторые позы сильно напоминают стоящего на задних лапах медведя и танец этот вполне заслуживает название «медвежьего танца». Все движения были какие-то развалисто-неуклюжие, хотя временами и порывистые.

Пляска окончилась. Кафтаны, платки и опояски были уложены в сундучки и снова началось угощение чаем и водкой.

Некоторые из вогулов подходили к медвежьим шкурам и гладили их. Ночь прошла. Наступило утро. Уже достаточно рассветало, и с парового катера, на котором я ехал, пришли сказать Г.П., что пары подняты. Мы покинули юрту, где ночью было празднество, и менее чем через полчаса катер отвалил от Руссуйского берега.

В. Новицкий,
член Тобольского Общества
изучения края.

Анатолий
Васильев

Его Величество Старец II

I

«...и нашли следующее:

1. На поверхности тела.

...На передней поверхности тела, именно на бедрах, находятся пятна темноватого, а некоторые темно-красного цвета от прикладывания к сим местам горчичников происшедшие; на обеих ногах ниже икр, до самых мышечков приметен темно-коричневый и различные рубцы особенно на правой ноге, оставшиеся по заживлению ран, которыми государь император одержим был прежде...

2. В полости черепа.

...По снятии твердой мозговой оболочки мозга, которая в некоторых местах, особенно под затылочной костью, весьма твердо была приросши к черепу...». Протокол безгрешен по части медицинской науки, но протокольный этикет при его подписании соблюден: в начале стоят фамилии младших по чину докторов: Дмитриевского вотчинного госпиталя младшего лекаря Яковлева, лейб-гвардии Казачьего полка штаб-лекаря Васильева, в конце, восьмыми и девятыми соответственно, — фамилии лейб-медиков действительного статского советника Стоффрегена и тайного советника баронета Якова Виллие. Надворный советник Тарасов прочитал только что составленный им протокол и отказался поставить свою подпись. Его фамилия стояла под номером 5.

Он посмотрел на нее, положил ручку и вышел из кабинета. Он ничего не напутал, его руку остановила память. Почти два года

назад император заболел рожистым воспалением на левой ноге. И когда он, Дмитрий Климентьевич Тарасов, доложил об этом лейб-медику баронету Виллие, тот крайне встревожился: не перешло бы оно в антонов огонь! Сие опасение было справедливо, ибо, как считалось тогда, именно в этом месте была ушиблена нога Его Императорского Величества копытом лошади на маневрах в Бресте-Литовском. Император, проезжая в тот раз по фронту польской кавалерии, подозвал к себе одного полковника для отдачи приказа. Получив его, полковник повернул свою лошадь, а она взяла и лягнула — удар ее подкованного копыта пришелся в правое берцо императора.

От сопоставления сих наблюдений у доктора шевельнулись какие-то подозрения.

II

Княгиня Волконская ужаснулась тому, что увидела. Она с детских лет при царском дворце: ее мать — первая статс-дама, и сама она фрейлина, супруга министра двора. Государь император был старше ее девятью годами, она помнит его с отроческих лет, помнит его юношеские терзания, намерения многое изменить в русской жизни. Все сорвалось или разрушилось. Не по себе дерева не руби. Он лежит посреди ледяной комнаты в цинковом гробу, обитом дубовыми досками; золотая парча с двуглавыми орлами обтягивает их. За открытыми окнами — тишина декабрьского Таганрога и разговоры о том, что в гробу не император, но совершенно другой человек — беглый солдат Семеновского полка, недавно скончавшийся в местном госпитале. Княгиня глядит на лицо покойника и не находит знакомых черт. Царь земной под царем небесным ходит, но зачем так жесток последний к первому? Его не узнать. Она обращалась к батюшке отцу Алексею, бывшему при последнем издыхании его Величества: «Как так?». Но батюшка был многословен и увертлив: — Сим молитву дает, Хам пшеницу сеет, Афет власть имеет, смерть всем владеет. Она понимает: все люди смертны, у всех один земной конец, но Боже правый, Боже правый, она готова принять за истину распространяемое слухами. Ее утешает мысль давняя, вынесенная из детства, даже не мысль, а утверждение, внушаемое им, воспитанницам Благородного института, священником: смертный плотью бессмертен духом. В первых письмах из Таганрога в Петербург она как бы между прочим пишет: «Кислоты, которые были применены для сохранения тела, сделали его совершенно темным. Глаза значительно провалились, форма носа наиболее изменилась, т.к. стала немного орлиной».

Через неделю, в письме к императрице-матери, в ее словах проскальзывает кое-что о тайне, сопутствующей уходу императора из жизни: «Я осмеливаюсь снова взяться за перо, чтобы передать вам, государыня, с хорошей оказией подробности, о которых я узнала во время моего путешествия... мой муж не знает и никогда не узнает... что я пересылаю вам, государыня, его письма, содержащие в себе сообщение, которое он никогда не подумает вам сделать... Все, что связано с вашим возлюбленным сыном, представляет из себя воспоминание, которое я желала бы сохранить до моей смерти...».

Князь Волконский, министр двора, с самого выезда из Петербурга был неотлучно при Его Величестве. Софья Григорьевна, княгиня Волконская, умела выведывать у супруга тайны.

А их было много. Их было много, и касались они оформления медицинских документов, в которых оказалось много несоответствий, подписей отсутствующих и появляющихся после, как, например, подпись Тарасова, странные намеки, поступки императрицы, фрейлин, министра двора и нового императора, запретившего открыть для народа гроб в Казанском соборе... И прочее, и прочее. Жители Таганрога, распространявшие слух о чужом теле в императорском гробу, были поражены другим слухом: некий старец, весьма и весьма похожий на государя императора, вчерашним днем покинул город с котомкою через плечо. Не всяк царя видит, но всяк царя знает.

III

Не нашел в себе, не сыщешь на селе. Каких только вопросов не разрешала русская пословица! Александр I был замкнут, редко с кем делился своими

переживаниями, потому оставался загадкой даже для тех, кто находился с ним рядом долгие годы. «Сфинкс, не разгаданный до гроба», — сказал о нем князь Вяземский, поэт.

Молодой царь с первых своих государственных шагов замыслил изменить порядок вещей в империи и первым делом создать орган, который ограничивал бы его самодержавную власть. Им должен был стать Непременный комитет. Однако Комитет числился десять лет на бумаге, не сыграл никакой роли.

Были созданы министерства, ближайшим советником императора стал исключительный человек — Сперанский, полагающий, что частными исправлениями дела не поправишь, высказывающий рискованные мысли. Они касались самой формы правления:

«настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа, и настало время перемен... не основать новой вещей порядков». В основу реформ Сперанский предлагал положить принцип разделения властей. «Нельзя основать

правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его», — писал он.

Много было планов и у государя, и у его советника.

Ни у того, ни у другого они не сбылись. Через двадцать лет после воцарения, летом 1821 года, Александр признался вернувшемуся из ссылки Сперанскому, что с планами реформ покончено. Тот записал в своем дневнике: «Разговор о недостатке способных и деловых людей не только у нас, но и везде. Отсюда заключение: не торопиться преобразованиями, но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются...».

И они вид имели.

Однако могло ли все это так повлиять на монарха, чтобы он стал тяготиться своим титулом и решился бы пойти на подлог в самой смерти, чтобы избавиться от него. Были ли тому свидетельства? Были.

После того, как на смотре его ударила в ногу лошадь, один из генерал-адъютантов выразил ему сожаление от имени жителей Брест-Литовска. На вопрос императора, от чьего именно, генерал ответил: «Всех».

И тут государь признался: «По крайней мере мне приятно верить этому, но в сущности я не был бы недоволен сбросить с себя бремя короны, страшно тяготящей меня». А пятью годами раньше в серьезном разговоре он заставил обомлеть младшего брата Николая, сказав: — Что касается меня, я решил сложить с себя мои обязанности и удалиться от мира. Европа более чем когда-либо нуждается в монархах молодых и в расцвете сил и энергии, я уже не тот, каким был и считаю своим долгом удалиться вовремя...

Откровений, несущих этот смысл, было у него довольно, в тревожное время ноября-декабря 1825 года о них вспоминали при каждом случае. Он готовился к поездке в Таганрог и доверительно рассуждал перед близкими:

— Я скоро переселюсь в Крым и буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку.

Императорский гроб был запаян в Таганроге с тем, чтобы не открывался более нигде.

29 декабря печальный кортеж проследовал на север при непосредственном наблюдении за телом доктором Тарасовым.

IV

Красноуфимск с 1781 года город на юге Пермской губернии, возник как крепость на реке Уфе.

Осенью 1836 года к кузнице на его окраине подъехал мужчина лет шестидесяти и попросил подковать своего породистого коня. Компанейский мужик-кузнец вроде бы как пошутил:

— С чужого коня и среди грязи долой.

Но всадник разговора не поддержал: — Не спеши языком, да не ленись делом.

Кузнец даже поперхнулся и увидел: всадник хоть и в крестьянском кафтане, да далеко не прост.

Проговорил примирительно:

— Извини дурака, вижу, что господин набольший.

— Набольший господин — веник в бане, — было ответом. — Он и царя хлещет.

Кузнец перекрестился, строго нахмурился:

— Никто против Бога да против Царя.

Странник тоже осенил себя крестом, но улыбнулся, не произнес ни слова.

Мало-помалу у кузницы начала собираться толпа, дивилась на необыкновенного человека, подзадоривала на разговор, он отделялся увещеваниями:

— Ангел помогает, бес подстрекает.

Видимо, хотел отделаться миром от толпы, но не тут-то было: ей хотелось знать во что бы то ни стало, что он за персона такая: коня под узцы, его самого — под рученьки и к начальству.

— Кто таков? — спросило его начальство.

— Не помнящий родства бродяга по имени Федор Кузьмич.

Какой бродяга, какой не помнящий родства, когда осанка и говор барские, когда конь, каких Красноуфимск не видывал?!

Но все милосердные попытки начальства добиться правды у Федора Кузьмича оказались тщетными перед его запирательством, пришлось наказать строптивца двадцатью кнутами за бродяжничество и сослать на поселение в Томскую губернию.

Пять лет прожил он на Красноуфимском вино

куренном заводе Боготольской волости, а потом перешел на жительство в станицу Белоярскую,

в избу, нарочно для него выстроенную казаком Семеном Сидоровым.

Какая-то высокопоставленная особа присылала ему из Петербурга одежду и деньги.

Приписанный к деревне Зерцалы, он за короткое время сменял несколько раз местожительство, из станицы перебирался на заимку, с заимки — в уединенную келью, специально для него срубленную в тайге, искал уединения, но его всюду находили, поклонялись ему, просили совета и благословения, называли Федором Кузьмичом, но для всех он был никто иной как император Александр Первый.

V

Высокие государственные мужи, держащие путь через Боготольскую волость, считали обязательным для себя заглянуть к старцу. Графы и князья, родовитейшие люди России побывали у него в доме и келье, проводили в беседах не часы — дни. Их преосвященства — архиереи Западной и Восточной Сибири — приезжали к нему будто на поклонение: Федор Кузьмич

кланялся им в ноги, а они в ноги — ему. А потом долго беседовали, чаще на чужом языке.

Всей Сибири — от Урала до Байкала — было известно настоящее имя Федора Кузьмича. Сибирь знала, что еще в Пермской губернии приезжал к нему великий князь Михаил Павлович с уговорами вернуться в столицу, знала, что высокопоставленная дама, высылающая одежду и деньги, — это мать-императрица. Много чего знала — вероятного, маловероятного и невероятного. Он заменил родителей двенадцатилетней крестьянской сироте, почтительно называемой им Александрой Никифоровной. Без царя земля не правится, без Бога свет не стоит. Старец внушил сироте эту мысль, вразумил: всяк язык Бога хвалит, той захотелось отправиться в богомольное путешествие по русским монастырям.

В 1849 году, снабженная старцем разными адресами в России, оставила она Сибирь, пешком дошла до Почаево-Успенской лавры — почти до самого Царства Польского, встретила там с

графиней Остен-Сакен, которая приютила ее у себя на несколько месяцев. — Как бы мне увидеть царя! — мечтала перед старцем Федором Кузьмичом Александра Никифоровна в Сибири. — Погоди, — отвечал ей старец, — может быть, и не одного царя на своем веку увидать придется, Бог даст — и разговаривать с ним будешь. И она увидела, и разговаривала: проездом к Остен-Сакенам заглянул император Николай Павлович, узнав, откуда и от кого у них гостья, загрустил, а уезжая оставил ей записку-пропуск во дворец, если она надумает быть в Петербурге. Однако богомолка этой запиской не

воспользовалась — вернулась в Сибирь.

Через восемь лет она повторит свой поход, в Почаеве выйдет замуж за отставного офицера... Вернется в Сибирь, когда старца уже не будет. Чем дальше уходило время от официальной даты кончины императора Александра Первого, тем чаще узнавали его в старце Федоре Кузьмиче.

Солдат-сапожник, живший у церковного старосты в селе Краснореченском, увидев из окна идущего к ним Федора Кузьмича, с криком: «Это царь наш, батюшка Александр Павлович!» — выбежал из дому и отдал ему честь по-военному.

Старец урезонил его:

— Мне не следует воздавать воинские почести, я бродяга, тебя за это возьмут в острог, а меня здесь не будет, ты никому не говори, что я царь...

Стоило стороннему человеку прислушаться к тому, о чем он разговаривал с приезжающими к нему из России высокими чиновниками, и оказывалось, что старец абсолютно осведомлен о событиях государственной важности конца восемнадцатого и начала девятнадцатого веков, давал полные характеристики всем известным государственным деятелям, рассказывал с одобрением об аракчеевских поселениях и о нем самом, о Суворове и Кутузове. Лишь никогда не рассказывал об императорах Павле Первом и Александре Первом.

Он скончался 20 января 1862 года и был похоронен на кладбище Томского Алексеевского мужского монастыря.

VI

В начале двадцатого века историк князь В. Барятинский разослал светилам медицинского мира копию вскрытия тела императора Александра Павловича с просьбой по возможности установить причину смерти, естественно, не указав, чьего вскрытия этот акт. Официальной причиной смерти считалось заболевание брюшным тифом или малярией — крымской лихорадкой.

Светила медицинского мира двадцатого века назвали-предположили другое:

1. ...Вскрытие не дает картины болезни. Из всего отмеченного в протоколе можно предположить, что смерть последовала от удара, т.е. от кровоизлияния в мозг, но была ли тому причина болезнь или несчастный случай — из протокола не видно... Можно также думать, что умерший страдал сифилисом, на что указывают сращения мозговых оболочек, рубцы на голенях и изменения в печени...

2. Протокол составлен не соответственно научным требованиям, так что причину смерти установить нельзя. Менее всего однако она могла зависеть от перенесенных брюшного тифа или малярии. Принимая во внимание сомнительные признаки сифилиса, можно думать не от них ли умер этот человек.

3. ...На основании описания органов можно только с уверенностью сказать, что смерть произошла не от брюшного тифа и не от малярии.

4. Причина смерти — кровоизлияние в мозг вследствие склероза сосудов мозга на почве сифилиса — сращение мозговых оболочек с черепом, утолщения черепных костей...

Однако сифилис — это то, что ни в коей мере не совпадает с тем, что известно об Александре Первом и его болезни.

Загадка первой четверти девятнадцатого века остается неразгаданной и в конце двадцатого. В даурском Акатуе на кладбищенской горе покоится прах знаменитейшего из декабристов Михаила Сергеевича Лунина. Над могилой крест, поставленный по воле его сестры графини Уваровой. Действительный статский советник, камергер, ее супруг, польстившись на именье сосланного в Сибирь шурина, затеял грязное дело по приобретению оногo в свою собственность, за что был осужден мнением света и самого императора Николая Павловича. Спасая честь, граф Уваров, по прозвищу Черный, 7 января 1827 года исчез.

Родственники считали, что последним его пристанищем стала Нева. Беда родит беду. Но и надежду. О Неве родственники думали поначалу, потом стали думать о Сибири — не она ли стала последним пристанищем Федора Александровича Уварова? Не он ли Федор Кузьмич? Этого пока не знает никто.

§ Промыслы и ремесла

Плотницкие хитрости

Старые артельщики из плотников, с которыми мне приходилось разговаривать, называли мне несколько способов наведения страха на хозяев дома, обманувших мастера.

«Черти трубу ломают» — делается в печи «слепого колодца» (ход заглушен с одной стороны), в него вставляется целая бутылка.

Воздух, нагревшись в колодце, давит на бутылку, бутылка лопается, получается звук, похожий на взрыв. Иногда

вылетают кирпичи (глина в новой печи не затвердела).

«Черти на чердаке», «на крыше» — перед выводом чувала устанавливается небольшая трещотка из тонкой жести. Во время топки печи ее не слышно, но вот печь протоплена, и

начинается скрежет, словно кто скребет когтями по крыше.

«Разные голоса» — несколько маленьких жестяных воронок, установленных в разных углах дома под мох широкими и узкими концами наружу. Или же глиняные свистульки, манки на

птиц и зверей. Различные «индивидуальные» приспособления: мельничка в трубе, тянущая за тонкую проволоку привод трещотки, установленной на чердаке или даже в подполе.

Артельщики были на все руки мастера: плотники, столяры, печники, жестянщики... Поэтому могли изготовить довольно сложные механизмы, ухавшие, завылавшие, квакавшие одновременно.

А. Пидюгин.

Вся человеческая жизнь

(Продолжение
воспоминаний Т. Белим.
Начало в №№ 3, 4).

11

Японцы простояли в нашем селе с июня 1919 года до 20 марта 1922 года.

Запрет появляться на улицах после 8 часов вечера был особенно невыносим для молодежи, особенно зимой. Вот и собиралась она по воскресеньям да праздникам гулять по хатам по очереди, то у девушек, это чаще, то у парней.

И вот гуляют у нас. Близится 8 часов. К молодежи выходит отец — родители всегда предупреждали в таких случаях: мол, время вышло, все по домам, не то японских палок попробуете.

— Заканчивайте, ребята, — говорит отец.

Все ушли, и с ними Костя — вроде проводить возлюбленную, а сам подговорил всех пойти группой по улице, чтобы напугать макак. И напугали.

Японцы как раз обход делали, заметили их и давай стрелять. Все побежали назад, к нам во двор, Костя в дом, остальные огородами кто куда.

На улице остался убитый — наш парень, сосед.

Утром его увезли в район и там продержали неделю, потом разрешили родителям забрать — замороженного — его. Сделали фотографию: стоит отец с шапкой в руках возле саней, на которых лежит его сын, а на фотографии написано: б у р с у к а.

Эта фотография была развешана по всему селу.

В октябре 1922 года заметались по всей округе белые, стали собирать и куда-то увозить имущество. Засобирались и японцы.

Два-три дня мы слышали отдаленные артиллерийские выстрелы, а потом услышали и ружейные близкие. Все это в стороне, где железная дорога. Никто в поле не выезжает, все ждут что будет. Поля-то в той стороне, где стреляют.

Сидим по погребах, чтобы белые не заметили, не прибили ненароком — носятся из конца в конец с пиками наперевес.

Моему младшему брату Мише уже 12 лет, пастушком ходит со стадом.

Сидели-сидели мы в погребах и надумали выгнать скотину на другой край выпаса, где стрельбы не было. Миша с остальными пастушками ушли со стадом, а стрельба усилилась, снаряды стали падать рядом с домами и во дворах. Народ будто растаял — ни души на улицах.

Мама забеспокоилась: как там Миша один на выгонах? — хоть их там шесть человек, и говорит мне: — Поди разыщи его и кустами домой возвращайтесь.

Я отправилась. Но сначала зашла к соседям — их Ваня тоже был со стадом, может, кто присоединится ко мне. Стучу в дверь погреба, выходит Ванина мама, выслушивает меня и машет обеими руками:

— Бог с тобой, куда! Если убьют, то одного, зачем еще рисковать кем-то. И ты домой возвращайся.

Я вернулась. А мама в крик:

— Иди ищи его немедленно! Что он там один делать будет?!

По-под заборами, не выходя на дорогу, подалась я к стаду. А почему я? Потому что Костя ушел с подводами — перевозил солдат и имущество белых.

Вышла из села, иду лесом-кустами, несу в руках котомку с маминими гороховыми постряпушками да бутылкой молока. Вышла к убранным полю, к стерне — ни души кругом и коров не видно.

Вокруг поля дубки — возле одного я остановилась: куда идти? И вдруг из ближайших кустов:

→ Таня!

Бросаются ко мне наши пастушки, облепляют меня. Конечно, я для них старшая — мне 15.

Спасительница.

А стрельба уже сюда перекинулась. И дорога забита военными: скачут во все стороны, устанавливают пушки и начинают бить. Но мы далеко от дороги и считаем, что в безопасности. А солнышко уже село, и нас беспокоит, где мы будем ночевать. И тут ко мне приходит помощь — мать одного из пастушонков.

— Нельзя, нельзя здесь находиться, — зачистила она, собирая всех нас руками в одну кучу и толкая впереди себя. Через займки повела к спалку — к шалашу, похожему на копну сена, но крытому

соломой. Мы все в спалке поместились, прижались друг к другу, сидим. Прибежали две собаки — наша и этой женщины. Тут же примостились. Значит, в селе совсем плохо, если собаки оставили его. Молчим. Вдруг собаки начинают ворчать, и мы услышали далекий крик. Обнимаем, гладим собак, чтоб не лаяли.

А крики уже со всех сторон: «Гони, гони!» — понимаем, что дороги уже всем не хватает, бегут прямо по полю — от нас и из соседнего села. Ругань, мат-перемат. Как только наш спалок не растоптали. Слава Богу, что пронесло.

Всю ночь в нашем селе шел бой, до нас доносилось ура и выстрелы. К утру все утихло.

— Идемте домой, — сказала наша спасительница.

Мы вышли из своего прибежища, прошли всего ничего, и тут из четырех человека, вооруженные, а одеты кто во что: шинель, пиджак, полушубок, куртка. Мы испугались.

— Кто вы и откуда? — спрашивают. Мы рассказали, и они обрадовали нас: в селе белых нет. А потом поинтересовались:

— Нет ли чего у вас поесть?

Я только тут вспомнила про свои лепешки. И столько во мне радости стало, что смогу угостить их.

— Слава Богу, двое вернулись! — обрадовался папа, встретив нас в огороде. — А одного еще нет.

Это о Косте.

Двор и дом были полны красноармейцев, точнее приамурских партизан: кто-то варит картошку в мундире, нарезанную тыкву. Одеты кто во что, кто спит сидя, кто лежа, и всюду — даже в сарае — спят. К ночи они пошли в наступление на Черниговку.

Следом появились регулярные войска — эти уже были одеты по форме. Правда, тоже не все.

Что нас удивило, так это верблюды.

До этого мы их ни разу не видели. Красноармейцы на них перевозили детей — по два меж горбами колыхались. Откуда и чьи дети?

Брат тоже благополучно вернулся через неделю. Но коня нашего было не узнать — худющий, с разбитыми ногами.

12

В конце марта 1923 года нам разрешили на лошадях ездить в Китай за мануфактурой, со справкой от сельсовета — по 5 аршин на человека, не больше. Первая партия поехала, купила что кому надо. Тогда и наши решили поехать. Отец и при советской власти опять работал в сельсовете. Проводили нас с братом: ему справка на нашу семью, мне — на семью дяди, брата отца. В общем получилось шесть человек на двух подводах. Мы — на Герое, а у тех в телегу запряжено две лошади. Уже совсем таяло, под снегом была вода.

Проехали две деревни, а там река Лифа, неширока, неглубока, но катера по ней ходили, где деревни — там мосты через нее. Отступая, белые повзрывали все мосты. Для проезда в уже замерзающую реку были положены бревна — получился такой замороженный мост.

Переехали Лифу, еще через четыре деревни проехали и заночевали в большом селе Хороль. Рано утром выехали из него, потому что к обеду надо было быть на границе, а тут едут обратные люди, говорят: запретили проезд в Китай, кругом войска стоят. Что ж, остановились. Только Костя взял с собой напарника — и туда, убедиться. Убедились — нельзя. Не солоно хлебавши повернули назад. Мужички, конечно, в первую попавшую харчевню-кабачок заглянули: торопиться некуда, дескать.

Я осталась с телегами.

Ждала-ждала, не вытерпела, зашла к ним:

— Да будет вам, — говорю, — до ночи до Лифы не доедем.

— Нашла чем пугать! — отвечают. Я к брату. А Костенька мой лыка не вяжет, и тоже храбрый, без царя в голове:

— Без сопливых обойдемся.

Дураки да нищие не родом ведутся, а как Бог даст.

Время уж совсем к вечеру шло, когда они вышли, веселые, и давай лошадей гнать, но проехали всего две деревни, как совсем темно стало, да к тому же нам сказали, что прежней дорогой ехать бесполезно, на Лифе лед поднял бревна. Мои мужички постояли, почесали затылки, решили ехать через другую деревню — Халкидон, там есть мост.

Мост действительно стоял, да подступов к нему не было: насыпь еще в сентябре, видать, размыло, а темнота — глаз коли, не видно ни зги. А тут наша пьянь:

— Давай по льду!

— По какому льду! — кричу им. —

Река шумит, наверное, ледоход. А братец мой, как всегда, первый: «Да пошла ты!» — становится на телегу, направляет к реке Героя. Я хватаю за вожжи: «Нельзя, там ледоход!». Но Костенька понукает коня, спускается по берегу. У самой воды Герой ржет, встает на дыбки и не идет дальше.

— Подожгите сено! — кричит Костя. — Ничего не видно.

Стали скручивать жгуты, жечь и увидели: на Лифе ледоход, льдины ломают одна другую. Потащили телегу назад, а Костя стал сдавать назад Героя, умник.

Что делать? А что? Надо как-то попасть на мост, люди-то попадут, а как туда поднять лошадей и телеги?

Распрягайте, хлопцы, коней, только спать не лягайте.

Стали на руках поднимать на мост: один стоит там, тянет за повод, а другие сзади понукивают да приподнимают. Так и затолкали все на мост, подняли, запрягли и поехали — вторая сторона моста была пригодной для съезда.

На ночлег запросились в большой дом. Было 4 часа утра. Нас пустили, хозяин сказал: «Дивчина зовсім змерзла!» — и завел меня в дом.

Пока наши управлялись с подводами, я села возле печки, возле ухватов и кочерги, и сразу уснула.

А проснулась — светло, и уже все поднялись: и хозяин, и ночлежники. Я лежу на лавке, подо мной что-то постелено.

— Ну напугала ты нас, девонька.

Думали, померла. И тормошили тебя, и водой брызгали, а ты ни звука. Перенесли сюда, а ты как мертвая и не шевельнулась, — говорила хозяйка.

Я смотрела на нее, мне было тепло и спокойно.

Работай — сыт будешь, молись — спасешься, терпи — взмилуются.

И. Чивонави.

Миниатюры истории

В Тюменской городской думе

Вопросы, назначенные к рассмотрению на 10 декабря, разрешены в собрании 11 декабря, на которое явилось 22 гласных.

Резолюции думы:

1) Назначена прибавка к жалованию городскому Попкову за выслугу лет.

3) Отклонено предложение председателя попечительного

совета женской гимназии об увеличении платы за правоучение в младших классах гимназии.

4) Утверждена инструкция по управлению городским ломбардом.

6) Ассигновано пособие вольному пожарному обществу на 1913 год 1500 рублей и назначено у сиропитательного заведения место для устройства нового пожарного депо общества.

8 и 9) Принять на средства города дефицит по содержанию родильного дома на 1913 г. и перерасход по постройке здания в родильном доме в сумме 1665 р.

10) Разрешено еврейскому обществу прирезать к еврейскому кладбищу городской земли 298 кв. саж.

11) Разрешено выдать низшим служащим города к празднику Рожд. Христ. награду в сумме 556 руб.

12) Разрешено возбудить ходатайство о разрешении открыть отделение Тюменского общественного банка в г. Ирбите на время ярмарки.

Памятники культуры

Абалакский Знаменский монастырь

Монастырь находится в селе Абалак, отстоящем от Тобольска в 25 верстах, на правом берегу Иртыша. Обнесен с четырех сторон, на пространстве 300 погонных сажень, высокой каменной оградой. С южной стороны к огаде примыкает братское кладбище и выгон. На восточной и западной стороне одни ворота (въездные) проходят под каменным корпусом (гостиницей), а другие — «святые ворота» — устроены против летней церкви; они довольно большого размера и украшены весьма прилично живописью. При входе во внутренность Абалакского монастыря через «святые ворота» взоры встречают несколько симметрически расположенных каменных и деревянных зданий — для настоятеля, братии, гостиницу для богомольцев. За этими зданиями в юго-восточной стороне огады помещаются разные монастырские хозяйственные постройки. Среди обширного, так называемого, чистого двора имеются в летнее время цветники и несколько деревьев, расположенных в виде аллей; за настоятельским деревянным корпусом сохранились с давних времен высокие столетние ели с небольшим числом кедров. На этом обширном чистом дворе возвышаются две каменные церкви с колокольню. Церкви стоят отдельно одна от другой, как отдельно помещается от них колокольня в западной части огады. Летняя церковь в честь св. Троицы имеет форму четырехугольного здания, заканчивающегося одним куполом, а зимняя — форму крестообразную с высоким восьмигранником под главою над самым храмом. Зимняя церковь состоит из трех приделов: главного в честь Знамения Божьей Матери, бокового южного — во имя Святого Николая и северного — во имя Марии Египетской. Есть еще небольшая церковь в честь Вознесения Господня; она помещается в одном из ярусов колокольни. Сама колокольня состоит из четырех ярусов; она довольно высокая, не менее сажень 18-ти, и красивой архитектуры; в

верхних ярусах колокольня украшена кругом иконами: Спасителя, Божьей Матери, Иоанна Крестителя, 4-х евангелистов и херувима. На зимнем храме в восьмерик, вместо икон, помещены также живописные изображения св. апостолов и Святого Николая. Внешний вид этого храма в общем очень привлекателен — не менее, чем и колокольня, которая с внешней стороны придает монастырю вид довольно грандиозный и внушающий благоговение к обители. Внутренность храмов украшена в достаточной степени, особенно летний храм, капитально отремонтированный в 1885-1887 гг., причем устроен новый иконостас, покрыты живописью стены, устроены хоры. В зимних храмах замечается некоторого рода мрачность — между прочим, вследствие того, что своды храмов низки, недостаточно здесь и вентиляции. Устранить все это удобно через открытые купола и устройство в нем просветов. Настоятельская и братская кельи снаружи особенным ничем не отличаются, а внутри озаменованы печатью скромной монашеской простоты. Не так давно (лет 30) с южной стороны внутренней монастырской огады возведен каменный корпус новой изящной архитектуры, с большим балконом внутрь огады. В этом корпусе теперь помещается монастырское училище. Монастырь достиг настоящего своего устройства и значения не

вдруг. По завоевании Сибири, когда здесь стали селиться русские, они не замедлили выстроить в Абалаке церковь во имя Преображения Господня. Церковь была деревянная и, по всей вероятности, самой незатейливой

постройки, лишь удовлетворяя, как говорится, самым первым религиозным потребностям жителей малолюдного русского населения на абалакском погосте, жившего к тому же по соседству с татарами. К 1636 г. церковь Преображения Господня обветшала настолько, что требовалось устройство нового храма. Не вдруг жители Абалака собрались создать новый храм на своем погосте; потребовались чрезвычайные побуждения, чтобы подвигнуть их к исполнению христианского долга по созданию нового храма. Об этих побуждениях существуют летописные сказания, которые повествуют о некоей бедной вдове

Марии, видимо, прибывшей из Новгородской местности, о ее религиозной экзальтации, под влиянием которой, именем Божьей Матери, Мария требовала устройства на Абалаке нового храма

в честь иконы Знамения, что в Новгороде, с изображениями Святителя Николая и препод. Марии Египетской. В царствование Михаила Феодоровича третий архиепископ сибирский Нектарий благословил строить на Абалакском погосте новую церковь в честь Знамения Божией Матери, с приделами Николая Чудотворца и Марии Египетской, а прихожане абалакские немедленно приступили к построению ее, да не только прихожане, но и многие из граждан тобольских, как простых, так и знатных, приняли участие в этом благочестивом деле: сами, согласно повелению свыше, рубили лес, нужный на церковь, сами его приплавляли, своими руками выгрузили из реки и втащивали на высокий берег Иртыша, где расположен Абалак, и на свой счет наняли затем мастеровых для постройки церкви. Построенная в 1636 г. на Абалаке церковь во имя Знамения Божией Матери через 44

года, именно в 1680 года 31 мая, сгорела от молнии. На месте ее, по указу царя Феодора Алексеевича, в 1683 году заложена была каменная, холодная церковь во имя того же Знамения Божией Матери. Постройкою церковь окончена в 1691 году и в этом же году освящена митрополитом тобольским и сибирским Павлом I-м... Каменная Знаменная церковь была устроена о 5-ти главах, с колоннами внутри храма; фундамент и стены были выложены толстые, окна довольно узкие, как вообще строились тогда (в XVII в.)

все каменные здания на Руси. В 1761 г., с благословения митроп. Сильвестра, старанием некоего секретаря Алексея Соколова церковь эта была переделана; весь верх ее снят, столпы внутри

разобраны, сведен купол, вместо 5-ти глав устроена одна, увеличены окна, иконостас устроен новый, резной, но основание и стены остались те же, что и теперь. Долгое время Абалакский приход и храмы его не отличались особенным

обилием материальных средств. Достаточно того, что первые каменные здания построены частью на царские деньги, а потом обновляемы и расширяемы были на средства благочестивых добротных жертвователей. Материально возвышаться абалакские храмы стали с 1783 г. В этом году приход на Абалаке был закрыт и переведен в Преображенское село, в 4-х в. от Абалака по тракту в Тобольск, где с этой целью выстроена была (в 1784 г.) новая каменная церковь во имя Преображения Господня, по всей

вероятности, в память первоначального храма этого имени в селении Абалаке. Сюда же, т.е. в Абалак, в 1783 году епископ Варлаам I-й (Петров) по Высочайшему указу,

последовавшему 2 июля, перевел из Невьянского села Пермской губернии (принадлежавшей в то время к Тобольской епархии) Богоявленский мужской монастырь, существовавший в Невьянске с 1621 г., со времени первого сибирского архиепископа Киприана. Монастырь Невьянский был

переименован Знаменским, но в память первоначального его наименования (Богоявленским) устроена была в Абалакском монастыре деревянная церковь во имя Богоявления Господня. Эта деревянная Богоявленская церковь существовала до 1832 г., когда по указу Консистории от 26 сентября вследствие значительной ветхости была уничтожена. Основанием к учреждению в Абалаке монастыря послужила икона Божьей Матери. Со времени перемещения сюда монастыря в 1783 г. обитель стала средоточием

обильного прилива богомольцев и Абалакский монастырь имеет достаточный источник вкладов и приношений и потому, как замечено выше, начал возвышаться во внешнем и внутреннем своем благоустройстве. Первою по переведению в Абалак монастыря постройкою была в 1784 г. вышеупомянутая Богоявленская церковь; затем в 1786 г. построена около монастыря деревянная из досок ограда с башнями. В 1803 году ограда эта заменена новою каменною. Первоначально как деревянная, так и каменная ограды

были на незначительном пространстве. Настоящее свое распространение каменная монастырская ограда получила в 1825 году.

В 1809 г., по благословию архиепископа Амвросия, заложены и впоследствии построены каменная одноэтажная братская келья. В 1822 году близ монастыря для прибывающих богомольцев построена деревянная гостиница. В конце 50-х годов на внутренней южной стороне монастырской ограды построен обширный каменный корпус, очень красивый, с обширными светлыми помещениями внутри. В этом корпусе теперь помещается инородческая школа, которая открыта 3-го октября 1885 г. В 1888 году в ней обучались 32 мальчика, в их числе было остяцких 10, самоедских 2, духовного происхождения 1, мещанских 3, крестьянских 14, солдатских 1 и сын фельдшера 1, все сироты. Мальчики, как русские, так и инородческие, поют и читают ежедневно в церкви за всенощной и литургию. Все обучающиеся состоят на монастырском содержании. Ученики обучаются разным ремеслам — столярному, токарному, портняжному, сапожному, слесарному, мережному вязанью, деланию кирпичей. Занятия ведутся ежедневно и с успехом. Благоустройством своим монастырь обязан преимущественно ревностной попечительности и благоразумной распорядительности своих настоятелей: первого, при основании монастыря, игумена Маргарита, потом в особенности игумена Иоанникия (Агишева) и архимандрита Антоня (Бекреева), а также и нынешнего настоятеля архимандрита Мемнона. Первый из них устроил деревянные помещения для настоятеля и братии и церковь Богоявления Господня; второй украсил храмы лучшими иконостасами, на месте иконы завел серебряные под золотом ризы, построил для богомольцев гостиницы и распространил обширно каменную монастырскую ограду. Третий (Антоний Бекреев) построил каменное здание для богомольцев и по сторонам Никольской, ныне Троицкой, церкви два придела. Архимандрит Мемнон завел новый (стоимости до 8 тысяч) иконостас, очень ценную на престольную одежду, поднял особенно монастырское хозяйство,

приумножив его устройством ветряной мельницы вблизи монастыря и покупкою заимки около так называемого «Кучумова городища».

Не столько Абалакский монастырь богат внешней своей обстановкой и событиями внешнего характера, даже нельзя в нем указать много каких-либо выдающихся церковно-археологических редкостей, сколько все значение его сводится к великой святыне, чтимой всей Сибирью, — Абалакской иконе Божьей Матери. Божия Мать на Абалакской иконе изображается точно также, как и на Новгородской Знаменской, а именно с распростертыми и воздетыми к небесам дланями и с Предвечным, но еще не родившимся, а только воплотившимся и находившимся во утробе Богоматерней Младенцем — с тем впрочем отличием, что на Абалакской Иконе по сторонам Приснодевы изображаются еще предстоящими: на правой — святитель и чудотворец мирликийский Николай, а на левой — преподобная Мария Египетская, которых на Новгородской Знаменской иконе нет. Риза на иконе однозолотная, а рама приклепанная, серебряная, в ризе

аршин 5 вершков, шириною 1 арш. 2 верш.

Описанное внешнее убранство иконы есть позднейшего происхождения, именно 1856 г. — времен архиепископа тобольского Евлампия, сооружено на монастырскую сумму в Москве тщанием московского фабриканта Корнилова. До 1856 г. на Абалакской Чудотворной Иконе хотя и была риза золотая, убранная жемчугом, но она была складная из нескольких отдельных частей, возлагавшихся на икону. Риза первоначального заведения в настоящее время возложена на ту икону, которая остается на месте подлинной чудотв. иконы, когда сию последнюю выносят из Абалака. Икона эта называется «наместницею», с подлинной иконой она совершенно одинаковой величины.

Чествование Абалакской иконы Божией Матери, можно сказать, утвердилось навсегда. Токи благодатной силы стали изливаться на верующих не только от подлинной иконы, но и со списков с нее. Абалакской иконе Божьей Матери теперь 254 года, каменному храму, в котором помещается Икона, 208 лет и Абалакскому монастырю 108 лет.

чистого золота 15 фун. 84 зол., а в раме позолоченной серебра 13 фун. 36 зол. 84 пробы. Риза гладкая, облачение на Богоматери матовое, вокруг облачения по кайме проведена надпись: «достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу» и проч. до конца песни. По краям ризы вокруг широкая кайма накладная золотая с прорезьями, в 2-х верхних углах 2 херувима золотые, отлитые, а ниже оных по обе стороны венца Богоматери два клейма финифтяные. Всей ризы стоимость 8406 р. 12 к. (по прежнему курсу). Икона писана на доске длиною 1

Дай Бог, чтобы время не налагало своей разрушающей руки на святую обитель Абалакскую и на хранимый в ней источник благодати и чудотворений — св. Икону. Да утверждается через нее вера православных, оживотворяется сердце их и укрепляется воля в святости молитвами и предстательством непостыдным Пречистой Владелицы, Богородицы и Приснодевы Марии.

Календарь Тобольской губернии на 1891 год.

Фото В. Тюрина.

Дом декабриста

На одной из центральных улиц Ялуторовска стоит деревянный, обитый тесом дом. Он не отмечен архитектурными украшениями. Однако у этого строения особенная судьба, многое помнят его двухвековые стены.

Шеншина, с левой — унтер-офицера Сабанина, сзади вдовы коллежской регистраторши Хомяковой». Так декабрист М.И. Муравьев-Апостол вступил в законное владение собственностью.

фактически прошло его детство. В своих воспоминаниях он напишет: «Вот домик Матвея Ивановича. Серенький, с решеткой вместо забора, за которой блестят золотистые дорожки маленького садика. Во всем доме было только

четыре комнаты и пятая прихожая. В привходе дверь налево — в кабинет и прямо в залу. Зала с камином и дверь на террасу. Гостинная, в которой стояло фортепиано, единственное тогда во всем городе. Кабинет с полками книг, на стене — портреты родных... Наконец, маленькая комната Марьи Константиновны...». Небольшая зарисовка, восстановленная М. Знаменским из воспоминаний детства, оказала большую помощь в реконструкции интерьера дома. В 50-е годы в фондах Государственного исторического музея была обнаружена

В 1838 году дом был куплен государственным преступником Матвеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом. Внесем уточнение. Декабристы без разрешения губернских властей не имели права приобретать недвижимое имущество. В письме в адрес генерал-губернатора Западной Сибири говорилось, что «находящийся в городе Ялуторовске государственный преступник М. Муравьев-Апостол испрашивает дозволения на покупку дома 1600 рублей». Такое разрешение было получено. Все дела по оформлению «купчей крепости» вела введенная в наследство дочь бывшего хозяина Белоусова Пелагея Егоровна, по мужу Алесина. В «купчей крепости» было записано, что она «продает собственный свой дом деревянного строения, стоящий в городе Ялуторовске, в приходе Вознесения Господня со всеми к нему принадлежащими службами». Для будущих историков она сообщила и о соседях «со стороны правой дом коллежского советника

В письме он считал необходимым сообщить о своем предшественнике по несчастью. «Князь Сибирский генерал-кригс-комиссар, который был сослан Павлом I в последний или предпоследний год его царствования... Жил в этом доме». Мы проверили. Все правда. Был такой генерал. К пожизненной ссылке он отношения не имел. Но тем не менее личность интересная, древнего княжеского рода, который ведет начало от сибирского царя Кучума. Отличился в войне с Турцией, но за злоупотребления со службы уволен, лишен всех наград, земель и отправлен в ссылку. Александр I указом от 14 марта 1801 года помиловал генерала и возвратил его в Россию, определив в действительные штатские советники. С 1839 по 1847 г. частым гостем этого дома был Миша Знаменский, будущий художник. Впоследствии он оставил немало живописных работ, повестей и рассказов о жизни декабристов в Ялуторовске, в том числе и о доме, в котором

акварель М. Знаменского «Ялуторовск». Художник изобразил фрагментально общий вид города. Сретенский собор, погрудные портреты декабристов: И. Якушкина, М. Муравьева-Апостола, И. Пушина и Е. Оболенского. Здесь же — здание школы для мальчиков, дом, в котором с 1836 по 1856 г. жил И.Д. Якушкин. Дом с колоннами, построенный лично В.К. Тизенгаузенем. Мы ссылаемся для подтверждения на письмо А. Розена к И. Пущину: «В Ялуторовске, где был у Тизенгаузена, бодрый и веселый старик. Он здоровый и занимается постройкой большого дома с колоннами. 14 октября 1832 года». И, наконец, дом, о котором мы рассказываем. Он в общем, сохранил внешнее сходство. Семь окон по фасаду. С правой стороны — темный тамбур, еще раз подтверждающий планировку дома, описанную М. Знаменским. Дом на улице Царской, 140 в годы сибирской ссылки был местом

постоянных встреч декабристов. Не исключено, что его хозяева в определенной степени формировали здоровый климат, способствующий переносить тяготы подневольной жизни. Бывший ялуторовский житель К.М. Голодников в своих воспоминаниях сообщал, что в доме «собирается кружок часто, а по воскресеньям даже обязательно, тут обедали и оставались на весь вечер заниматься картами, чтением и музыкой». Здесь часто звучали детские голоса. Хозяин дома, обладая единственным в городе фортепиано, прекрасно пел и был хорошим организатором детских музыкальных развлечений. Музыкой в этом доме занимались серьезно. Сохранилось немало воспоминаний о прекрасном исполнителе, польском ссыльном Г. Собаньском. Он играл артистично. Позднее участвовал в вечерах профессиональный скрипач, уроженец Прибалтийского края, тоже ссыльный

Генрих Берг:
Была картина М. Знаменского «Вечер у М.И. Муравьева-Апостола». По времени сюжет относится к концу тридцатых годов. Место — веранда дома декабриста. На полотне изображены С.Я. Знаменский, И.Д. Якушкин, Г.М. Собаньский, А.В. Ентальцев. Жены декабристов — хозяйка дома Мария Константиновна, Александра Васильевна Ентальцева. Скрестив руки на груди стоит М.И. Муравьев-Апостол. Внизу дети — две девочки и два мальчика. Девочки — приемные дочери декабриста, мальчики — дети С.Я. Знаменского. Один из которых — будущий автор картины. Судьба картины печальна. Она утеряна, но, к счастью, кто-то из добрых людей сделал фотографию с подлинника. Снимок хранится в фондах Государственного литературного музея в Москве. Вечером на огонек в дом М.И. Муравьева-Апостола забежали близкие и верные друзья. Это были любители чтения — учителя К.М. Голодников, А.Л. Жилин, почтовый служащий С.М. Семенов. Заметим, что общение с декабристами, чтение книг сыграло большую роль в формировании демократического мировоззрения. Пример тому — писатель, художник М.С. Знаменский. А.Л. Жилин был

впоследствии организатором публичной библиотеки (в 1859 году) в Тобольске. С.М. Семенов опубликовал интересные воспоминания о декабристах. И вот последнее известие о судьбе дома, в котором М.И. Муравьев-Апостол прожил с 1838 по 1856 гг. Это доверенность декабриста, заверенная в окружном суде на имя Николая Васильевича Басаргина: «...поручаю Вам принять означенный дом со всеми принадлежащими к нему строениями в полное свое заведование и распоряжение, вы

потомственный дворянин г.Ялуторовск ноября 22 дня 1856 года». 1 декабря семья М.И. Муравьева-Апостола навсегда покинула Ялуторовск.

* * *

Автор статьи не претендует на полноту изложения. В основном использованы архивные материалы и документы. Многие факты опущены, так как в настоящее время они не получили нужного подтверждения.

И. Терентьев.

можете сами жить в нем, или отдавать в наймы или продать кому... и в таком случае доверить от моего имени узаконенные акты. Ваш Милостивый государь Всепокорнейший слуга, Матвей Иванов Муравьев-Апостол

На снимках: дом М.И. Муравьева-Апостола во время реставрации.

Фото Н. Кудряшова.

Миниатюры истории

О взыскании за причинение домашним животным напрасных мучений

Государственный совет, в соединенных департаментах законов и гражданских и духовных дел и в общем собрании, рассмотрев представление министра внутренних дел об установлении взыскания за жестокое обращение с животными, согласно в существе с заключением его, министра, мнением положил: В допущении к уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, постановить следующее правило.

«За причинение домашним животным напрасных мучений, виновные подвергаются: денежному взысканию не свыше десяти рублей». Его Императорское Величество, воследовавшее мнение в общем собрании государственного совета 23 ноября 1871 г. Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

«Тобольские губернские ведомости»
29 апреля 1872.

Александр Пилюгин

Софья и Софокл

Это как же я чуть было не забыл про Софью с Софоклом? Своих, деревенских забывая начал, к старости, что ли? Живут они в Тихой на самом краю. Не то что уж на самом, но дальше — метров через пятьсот-семьсот — только свинарники. А если свинарники не в счет, то получится, что на краю. Софья она Софья и есть: хоть и работает на нежной женской работе — дояркой, где ласка и доброта нужны, что женщине от Бога полагается, но шутковать с ней я бы вам не советовал.

Любого-каждого мужика в бараний рог согнет! Потому какая она есть, описывать надобности не имеется. А вот про мужа ее, Софокла, рассказать следует.

Вся деревня по-за глаза зовет его Соней. И не потому, что он в нашей лавке выполняет свои обязанности. Нам другого продавца и не требуется. Перво-наперво сдачу всегда сдаст копейка в копейку. А товары какие? Да таких и в райцентре не увидишь! К праздникам, бывает, на радость детворе и апельсины, и конфеты в коробках, а для взрослых и «Советское шампанское» расстарает. А Соней зовут его потому, что мужичонка он маленький, особо когда рядом с женой поставит. Говорят: «Бог создал пару: гуся да гагару», а они навряде как детский тувелек с кирзовым сапогом. Но живут любовно. Беда, однако, и у них есть: деток за два десятка совместной жизни на свет не произвели. Как заколодило. Софокл мужичонка не то чтобы совсем не пьющий, но и не сильно охочий до этого дела. Может, потому, что на ответственной службе, может, еще почему, но пьет исключительно редко. И никогда, чтобы дома. Вроде и в гости его никто не ждал, а он возьмет и явится. Не в праздник, не к бане, а среди будней недели. После того как закроет свою лавку. Подойди к нему днем тот же мужик, в чью семью явился, да бутылку не в долг, а на свои кровные попроси — не даст. Обходчиво из лавки попросит: «Ты, товарищ Куча,

командир среднего звена, бутылку берешь на вечер, скажем, теща приехала. А другие, у которых тещи нет, обидеться могут: «Почему товарищу Куче днем можно, а нам нельзя? Он ведь тоже не веники вяжет?». И пойдет тогда одна сплошная пьянка! А в райцентре что скажут? — Тихая? Да там одна пьянь! Любо ли такое слышать?».

Как обрисует он всю эту картину Страшного Суда, так и про вино забудешь.

А вечером глядь, заявляется Софокл Андреевич с кульком конфет для ребятни и своей персональной бутылкой. Хозяин, понятно, если его недавно выпороли, да на глазах своих, деревенских, отнекивается. Соня тогда и скажет: «Ты на меня обиду не держи. Нельзя продавцу безголово деньги брать. Товар у нас разный. Иной страшной ценой потом окупается. Особливо, когда пьешь на работе. А меня прости, некуда мне сегодня идти. Я у вас маленько посижу, погреюсь, озяб, чтой-то...».

Если зимой такое скажет, то еще ладно. А если летом, в самый жар? Тут подумаешь: не с духоты ли у Сони мозги набекрень? Хозяину не по себе становится. Стаканы достанет, закусить чем Бог послал, а остальное сами знаете. Выпьет Соня с хозяином, да к мальчикам обернется: «Ты кого больше любишь: папку или мамку?». И не просто затак спрашивает, а будто великую тайну выведать хочет. Ну а те — кто во что горазд. Кто: «Тятыку!». Другой: «Мамку!». А кто и сам не знает, кого. То ли еще любить не научился, то ли обоих надо, чтоб не по отдельности, а сразу.

Вот тут-то Соня и заплачет. Сидит, на ребяташек смотрит, а у самого по щекам слезы одна за другой кап-кап. А когда бутылку с хозяином допьют, Софья появляется. Возьмет своего мужика на руки и домой отнесет. На что у нас народ горластый, а никто не смеется, будто и не видели. А Соня потом долго в рот не берет.

Иван-купец — славный молодец

Было у богача три сына: Мишка, Гришка да Ивашка. Вот, значит, подросли сыновья, отец им и говорит: «Пора вам, сыны, за дело браться. Отдам-ка я вас в ученье!». И отдал. Старшего плотницкому делу, среднего — фершальскому, а младшего — купецкому. Долго ли, скоро ли, закончили братовья ученье и поспешили домой. Идут один с запада, другой с востока, а Ивашка и совсем невесть откуда. И надо же было им посередке на одну дорогу свернуть. А как свернули, так и встретились. Обрадовались братовья, обнялись да почеломкались.

— Теперь уж вместе пойдем! Доходят до леса, тут и перекус порешили устроить. Каждый из своей торбы какой-нибудь да харч достал. Мишка — шмат сала, Гришка — каравай хлеба, а Ивашка — бутылку медовухи. Выпили братовья, закусили, а потом и спор начали: кто что в ученье поимел да превзошел. Мишка взял березовую чурку, чик-чик топориком, да и вырезал девку. Тютелька в тютельку, будто живая. Только голая, на платье у Мишки ума не хватило. Гришка за дело взялся, достал из торбы пузырьки да баночки. Мазями намазал, водами знахарскими побрызгал. Совсем было девка ожила, да только не совсем. Души нет, глазами лупает, а не говорит. И стыда нет — не закрывается. Мужики туда-сюда, а она как чурка березовая, из которой ее Мишка выстругал. Тут Ивашка и говорит братовьям: «А дайте я попробую, авось, оживлю!». Те смеяться начали: «Ежели у нас — мастеров — не вышло, то куда тебе — торгашу-приказчику соваться?!». А тот все свое: «А дайте!». Ну тем что: «Попробуй, коли охота пристала!». Ивашка опять: «Отворотитесь и не подглядывайте, пока не скличу!». Тем что, посмеялись и ладно. Отошли за бугор, да медовуху допивать. А Ивашка тем делом штаны с себя долой, да к девке и пристроился. Парняга он, надо сказать, выmaterел, медведя сожмет, тот дух выпустит.

Вот девка сначала головой заворочала, потом под ним ерзать начала, а опосля и зайкала. Ивашка на то ей говорит: «Терпи, я тебе еще не всю душу впустил!». А ей, видно, уже невтерпеж, она и кричать начала. Тут братья из-за бугра прибегли. «Ах ты такой-сякой! Пошто нашу девку пакостишь?!».

— Была бы девка, кабы я ей душу не впихнул! — отвечает Ивашка. Те гневаться перестали: «Дай, — говорят, — и нам попробовать!».

— Дуйте, коли невтерпеж, мне-то что, я свое дело сделал.

Они к девке, а та от них: «Нетуж-ти, один душу впучивал — у меня глаза на лоб повылазили, а вас двое...».

Мужики покрутились, покрутились да и отступили: нахально вдвоем бабу брать — зазорно.

Пока это они кудевчились, и ночь подоспела, куда идти? Вот веток с деревьев нашмурыгали и балаган соорудили. Забралась втроем, а девка не заходит, боится, кабы они ее тут не сцапали. Ходила, ходила вокруг балагана, хоть и лето, а застыла вся. Ночь, поди, да и в лесу жутко. Вот она потихоньку шмыг в балаган. А куда пристроиться?

«Полезу-ка я под бок тому, — кумекает она себе, — кто мне душу впучил!». А как в темноте его сыщешь? Она и надумала.

Братовья-то даром что старшие, а так себе. Она за штаны и стала хвататься. Пощупала одного — не тот, другого — не этот. До Ивашки дошла, а он не спал, хватать ее и попер. Девка уже и не кричит, вдруг другие проснутся и снова свою долю требовать станут? А потом и самой понравилось, как Ивашка ей душу вправляет.

Наутро надел на нее Ивашка свою рубаху, да так и к отцу привел. Окрестили ее в церкви не то Акулиной, не то Павлиной. А потом он и женился вовсе на ней. Да и как было не жениться, когда у нее уже пузо на глаза полезло. Вторая душа там завелась.

А братовья умением больше не кичились и голых девок из чурок не делали.

Из истории села Слобода-Бешкиль

В 1650 году на южной окраине русских владений в Зауралье был возведен Исетский острог, который до XVIII века был главным городом огромной Исетской провинции.

Исетский острог являлся крупным пунктом на укрепленной линии вдоль рек Исети и Тобола. Через село Исетское с запада на восток проходит тракт

Шадринск-Ялуторовск. Это одна из старых дорог, идущих из европейской России в Зауралье. Она начиналась в Екатеринбурге, а в Ялуторовске сливалась с главным сибирским трактом. Самые старые населенные пункты вдоль реки Исеть — это села Архангельское и Слобода-Бешкиль. Они основаны в одном году — 1668. Слободу Бешкиль начали строить тюменцы: казачий сын Г. Егренов и оброчный крестьянин С. Косачев.

После создания уездов в 1898 году Слобода-Бешкиль вошла в Ялуторовский уезд и была центром Слободобешкильской волости, центром Слободобешкильского православного прихода, в ней был призывной участок по воинской повинности, участок крестьянского начальника, полицейский стан, участок мировых судей, участок ветеринарного врача и другие волостные учреждения.

Большинство жителей занималось сельским хозяйством, некоторые занимались ямщиной, почтовой гоньбой.

Весной 1918 года в Исетском и его окрестных селах была установлена Советская власть. В 1921 году почти вся Тюменская губерния была охвачена крестьянским восстанием. В нем приняли участие 100 тысяч повстанцев, из них погибли около 30 тысяч. О тех событиях газета «Красное знамя» писала 30 октября 1921 года: «В Архангельской и Красногорской вырезаны все коммунисты. Большинство коммун разорено. Мучили самым зверским образом, выкалывали глаза и слепых отпускали. 6 марта 1921 года в Ялуторовск привезено 30 трупов убитых в Бешкильской волости». К весне 1921 года были освобождены от повстанцев Исетское и близлежащие села. Восстание привело к тяжелым экономическим последствиям, весной 1921 года Тюменская

губерния была объявлена голодающей.

До 1923 года Слободобешкильская волость входила в Ялуторовский уезд. После постановления правительства о районировании Слободобешкильская волость была ликвидирована и

Слободобешкильский сельсовет вошел в Исетский район. По итогам Всесоюзной переписи населения 1926 года в С. Бешкиль проживало 2502 жителя, а в трех населенных пунктах этого сельсовета — 2980 человек. Население — русское, 702 хозяйства, из них 658 — крестьянские.

В книге «Населенные пункты Уральской области. Тюменский округ» на 1928 год имеются следующие сведения о Бешкильском сельсовете. Его центр — село Слободобешкильское, в котором 591 хозяйство, 2503 жителя (2498 русских, 5 немцев).

Расположено село на р. Исети в 35 км от райцентра, в 85 км от Тюмени. В селе не было школ 1 ступени, не было врачебно-фельдшерского и ветеринарного пунктов, телефона, почты, больницы, телеграфа. В центре села стояла Христорожественская церковь, построенная в XIX веке. По воскресным и праздничным дням 7 медных и чугунных колоколов созывали жителей С. Бешкиль и соседних сел Усова, Ямщикова, Кирьянова, входивших в Слободобешкильский приход. Внутри церкви было красиво. При церкви была хорошая библиотека из 1200 книг.

В архиве сохранились некоторые документы о деятельности церкви за период с 1907 по 1933 год. В 1907 году причту из Тобольской духовной консистории пришло предписание о необходимости увещевания супругов быть верными их супружескому союзу, «причем увещеватель должен особенно выяснять учение православной церкви о нерасторжимости брака. За 1915 год сохранилось послание-проповедь к земледельцам о времени великих испытаний, о защите Руси, о незасеянных полях солдатских вдов и призыв помочь им вспахать и

«Буденный наш братишка...»

Впервые увидел Ишим в мае 1936 года. Мы с отцом пошли в город, и когда поднялись на Епачинский увал, перед нами открылась удивительная панорама предместья Ишима. Деревенька Епанчинка располагалась по берегу старицы реки и примыкала к небольшому заводу с кирпичной трубой. Рядом с заводом большой сад. Впереди протекала река Карасулька, через которую был построен деревянный мост. Дальше за рекой начинался город. Слева по увалу виднелись железнодорожная казарма и мост. В пойме реки и по горе никаких построек в ту пору не было. Справа виднелись деревни Дымковка, Жиликовка. Река Карасулька, встретив на своем пути возвышенность у Епанчинки, круто повернула на юг, где высокий берег у Дымковки встал на ее пути. Бросаясь из стороны в сторону, делая петли, река снова возвращается к увалу с другой стороны. Здесь у завода была сделана плотина. Завод выпускал литые детали для сельскохозяйственных машин. До революции принадлежал фабриканту Веревкину, который рядом с заводом на берегу реки разбил сад, где построил большой двухэтажный деревянный дом. Для связи завода с городом перекинул через реку мост с ледорезами, который в народе так и назывался — Веревкин мост. Сам Веревкин в 1919 году ушел с белыми, фамилия его встречалась в отчетах о деятельности промышленных кругов на Дальнем Востоке в период оккупации его японцами. Центральная улица — Республики — начиналась недалеко от Веревкина моста и проходила по прямой через весь город к собору, где когда-то была Коркинская слобода. Центр города застроен в основном просторными двухэтажными деревянными домами. Учился я в пятой школе, находившейся невдалеке от здания бывшей городской думы. Довоенное время мне помнится по очередям за хлебом. Вроде все было: держали скот, имели молоко, картошку, овощи, зимой — мясо, но почему-то всегда были затруднения с хлебом. Очереди занимались с полуночи, за

хлебом шли крестьяне из деревень. Мы, пацаны, были обязаны, кроме посещения школы, обеспечивать семьи хлебом, что успешно выполняли, шныряя между взрослыми, без очереди. В годы первой пятилетки был построен современный кинотеатр. Смотреть кино приходила молодежь из ближайших деревень. За кинотеатром стояла воинская часть, командовал которой полковник Бандовский — высокий, стройный брутальный, носивший бородку-клином. Сын его Володька учился в нашей школе. За городом ежегодно проходили воинские учения, о которых мы узнавали заранее. В такие дни мы занимали высокие места и с восторгом наблюдали, как лихо мчались конные артиллерийские упряжки с пушками, как на ходу соскакивала прислуга и направляла орудие в нужном направлении. Мы были влюблены в армию, человек в военной форме был для нас авторитет, нашими любимыми героями — Чапаев и Петяка. Летними вечерами духовой оркестр гарнизона играл в городском саду, где собиралось много молодежи и устраивались танцы, игры, аттракционы. Звуки музыки разносились во все концы небольшого городка. Продавали пиво, квас, мороженое. В саду случались драки, иногда с поножовщиной, обычно дрались парни городские с подгородными, для самоутверждения. Но в общем обстановка была спокойная. Криминал пресекался сразу и строго — это делать умели. Когда началась война, город как-то сразу изменился, посуровели люди, стали деловитые, разговоры взрослых и детей крутились вокруг войны: что где сдали, кому принесли повестку, а кому — похоронку. В город прибывали эвакуированные жители, санитарные поезда с ранеными, стало нехватать жилья, началось подселение. Были введены ограничения на снабжение населения продуктами питания. Я заканчивал седьмой класс, мы все возненавидели учителя немецкого языка Генриха Христиановича Кергефеля и демонстративно перестали посещать его уроки.

Как-то после полудня, окончив уроки, мы пошли домой и нужно было перейти дорогу между госбанком и кинотеатром. Дорога эта вела на станцию Ишим и на некотором расстоянии была вымощена булыжником. В это время по дороге шли мобилизованные в армию прошедшие обучение в Синецинских лагерях люди, одетые в штатскую одежду. Шли они на станцию для погрузки в вагоны. Колонны по четыре человека в ряду шли нескончаемым потоком. За каждой колонной следовало несколько подвод с вещами, все шло молча, слышно было только тяжелое, давящее душо шарканье обуви о булыжную мостовую. На обочине дороги скопилось много народу, а колонны все шли и шли. Это было в сентябре 1941 года. Что в это время происходило на фронтах, знают все. Об этом много написано и рассказано. Вдруг среди этого шарканья послышались какие-то непонятные звуки, песни или команды. Очередная колонна вышла на прямую дорогу и все стало ясно. Впереди колонны верхом на статном жеребце ехал одетый во френч с кубанкой на голове средних лет мужчина в крепком подпитии и сильным голосом не то пел, не то декламировал слова известной песни «с неба полуденного жара не подступи». Пел он один, с каким-то отчаянием выкрикивал слова, люди шли, устало опустив головы. Колонна удалялась и доносились слова, что с нами Ворошилов — первый красный офицер — и Буденный — наш братишка — с ним весь народ, приказ голов не вешать, а идти вперед. С той поры прошло более полувека, и я не знаю, где, на каком рубеже полковник Бандовский встретил врага, но уверен, что свой солдатский долг выполнил до конца. Остались в моей памяти вечно живыми идущие по военной дороге со своим всадником сибиряки.

В. Контелов,
директор музея Тюменского
отделения СЖД.

Священнослужители и церковнослужители

В православной церкви три степени священнослужителей: диаконы, священники и епископы.

Кроме того, в службе участвуют церковнослужители: иподиаконы, чтецы и пономари (пароманарии).

Диакон — младший священнослужитель, самостоятельного богослужения не совершает.

Протоиерей — старший диакон.

Вторая степень священства — священники или иереи. Они могут совершать все таинства и службы за

исключением некоторых. У священников три степени: иерей, протоиерей, протопресвитер.

Эти ступени священства существуют в белом духовенстве, т.е. не монашеском. В черном духовенстве (монашеском) эти степени по старшинству называются: иеромонах, игумен, архимандрит.

Высшая степень священства — епископ, или архиерей. Они могут

совершать все богослужения и таинства, ставятся во главе церкви какого-нибудь города и его области — епархии.

Епископы не могут быть женатыми, поэтому в степень епископа обыкновенно посвящаются иеромонахи, а из белого духовенства только в случае, если священник не был женат или овдовел. Их степени: епископ, архиепископ, митрополит, патриарх.

Омский кадетский корпус

Небольшая справка: в Русской армии до 1917 года имелось 29 кадетских корпусов, где по штату было 785 генералов, штаб- и обер-офицеров и 11618 воспитанников. Первый кадетский корпус в России был основан в 1732 г., с 1752 г. он стал называться сухопутным Шляхетным корпусом, а с 1800 г. — первым кадетским и был старшим среди кадетских корпусов.

По старшинству Омский кадетский корпус входил в первую пятерку, впереди него были столичные корпуса.

Омский кадетский имел преимущество в старшинстве и являлся первым среди провинциальных корпусов.

Тот, кто бывал в Омске, не мог не обратить внимания на здание строгой русской классической архитектуры, занимающее целый квартал по улице Ленина. Ныне здесь Высшее общевоинское командное училище им. М.В. Фрунзе.

А в этом году исполняется 180 лет со дня создания Первого Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. Сибирский кадетский корпус —

восприемник Войскового казачьего училища, основанного 1 мая 1813 г.

1. С 1813 по 1826 год он носит название «Войскового казачьего училища» и содержится на средства Сибирского казачьего войска. Основателем училища является начальник пограничной линии и командир Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенант Глазенап, прибывший в Сибирь в 1807 г.

Штат училища был невелик: смотритель из отставных казачьих офицеров и три учителя. Учеников полагалось 30 человек, из них 20 за счет казачьего войска, по 2 от каждого полка и 10 на собственном пропитании (по одному от полка). Осенью 1813 г. было выстроено деревянное 2-этажное здание. Оно было довольно большим и занимало большую часть квартала, где ныне стоят корпуса ОВОКУ.

Большую помощь оказывал училищу генерал-губернатор Сибири, герой войны 1812 г. генерал Капцевич. По его ходатайству с 1821 г. воспитанники училища по экзамену производились в офицеры. За первое десятилетие своего существования училище дало 58 офицеров.

Приказом от 25 апреля 1825 года генерал-губернатор Капцевич объявил, что корпус взят на государственное обеспечение.

2. С 1826 по 1845 год корпус назывался Училище Сибирского линейного казачьего войска. Оно хотя и находилось на обеспечении государства, хотя и состояло при казачьем войске, но поступило под непосредственное начальство командира Отдельного Сибирского корпуса.

Курс обучения составил 7 лет. В него входили общеобразовательные предметы, а также ветеринария и агрономия. В училище были введены особые классы приготовления учителей в полковые и эскадронные школы, а также писарей в войска, было сформировано отделение мастеровых. Из казачьих воспитанников училища за 1826-1846 гг. произведены в генералы четверо: Василий Осипов, Михаил Казачинин, Семен Панков, Павел Ребров, а из дворян только один — Александр Померанцев.

3. С 1845 по 1866 год Сибирский кадетский корпус согласно новому положению «Сибирский кадетский корпус имеет целью готовить

своих воспитанников для службы офицерами в линейных батальонах и в казачьих войсках Сибирского корпуса. В это заведение могли поступать сыновья офицеров Отдельного Сибирского корпуса и гражданских чиновников из дворян, служащих или служивших в Сибири».

Сибирский кадетский корпус был подчинен Главному начальнику военно-учебных заведений. Полный курс обучения составлял 6 лет.

После окончания корпуса воспитанники выпускались офицерами в линейные батальоны Отдельного Сибирского корпуса.

Сыновья киргизских султанов, баев и старшин, воспитывавшиеся в Сибирском кадетском корпусе, получали особую награду при выпуске от командира Отдельного Сибирского корпуса. Воспитанники, окончившие корпус, но неспособные к военной службе и не принадлежавшие к казачьему сословию, выпускались в гражданскую службу с чином губернского секретаря или коллежского регистратора, неспособные воспитанники из казачьего сословия направлялись на нестроевые должности в Сибирское линейное казачье войско.

4. С 1866 по 1882 год — Сибирская военная гимназия.

В Сибирскую военную гимназию принимались сыновья только офицеров и чиновников, служащих в Сибири. Ввиду недостатка общеобразовательных учебных заведений в Сибири в число приходящих учеников допускались дети всех сословий.

Для приходящих устанавливалась плата в 25 рублей.

Дети киргизов принимались без экзамена и по окончании курса переводились в старший класс Оренбургского юнкерского училища. Кроме французского и немецкого языков, преподавался еще и татарский.

Основательно изучались русский язык и литература.

5. С 1882 по 1907 год — Сибирский кадетский корпус.

Со вступлением на престол Александра III в июле 1882 г. все военные гимназии были переименованы в кадетские корпуса. В корпусах вводится преподавание законоведения. Было улучшено питание кадетов, обращено особое внимание на физическое развитие.

Обращалось внимание на общение с природой, занятия садоводством, огородничеством, посадкой деревьев. Кадетам прививалось

уважение к природе, прививались правила поведения в походах, в местах квартирования войск и т.д.

6. С 1907 по 1919 год — Омский кадетский корпус. В 1911-1912 гг. вводятся новые программы во всех классах и по всем предметам, преподаваемым в корпусе. Корпус обладал фундаментальной библиотекой в 15 тыс. томов и тремя ротными библиотеками. Имелись кабинеты физики, химии, рисования, истории. На широкую ногу организовывались спортивные занятия, имелась целая флотилия лодок. Корпус в 1913 году отметил свое столетие.

Потом 1917 г., Временное правительство преобразует корпус в военную гимназию. После свержения Советской власти в Омске корпусу возвращается его прежнее наименование. Летом 1919 г. по приказу Колчака корпус эвакуируется из Омска. Эта страница истории корпуса пока еще мало изучена. Он существовал и производил выпуски в эмиграции — в Югославии, во Франции. Корпус прекратил свое существование в 1940 году.

Корпус дал прекрасных специалистов в науках, общественных деятелей, хозяйственников, бизнесменов, администраторов, военных, первопроходцев.

Вот некоторые сведения о его выпускниках:

Иван Карбышев — выпуск 1817 г. — основатель гор. Верный (Алма-Ата). Михаил Петров, Павел Герасимов, Иван Шубин, Николай Потанин — выпуск 1822 г. — исследователи Семиречья.

Сергей Абакумов — выпуск 1830 г. — один из строителей Семиречья, изучил Гасфордский перевал, поселок близ перевала был назван его именем.

Иван Клугин — выпуск 1846 г. — генерал-лейтенант, помощник начальника Главного (Генерального) штаба.

Григорий Потанин — выпуск 1852 г. — знаменитый путешественник, исследователь Сибири и Монголии. Владимир Рейнталь — выпуск 1855 г. — генерал от артиллерии, член Военного Совета.

Николай Ядринцев — 1855 г. выпуска — известный публицист, общественный деятель, археолог. Николай Анненский — выпуск 1859 г. — известный публицист, редактор журнала «Русское богатство».

Николай Цытович — 1883 г. выпуска — профессор

Михайловской артиллерийской академии.

Алексей Ломшаков — выпуск 1887 г. — профессор Петербургского политехникума.

Георгий Катанаев — выпуск 1866 г. — генерал-лейтенант. Преподавал и был воспитателем в корпусе.

Председатель Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска. Один из основателей Омского географического общества и его председатель. Организатор первой Зап-Сиб. выставки в 1914 году, автор многих трудов по исследованию Западной Сибири и истории Сибирского казачьего войска.

Авксентий Сапожников — выпуск 1888 года — профессор химии Михайловской артиллерийской академии института путей сообщения С-Петербургского университета, Высших женских курсов, воздухоплавательной офицерской школы, учитель Великих Князей Михаила Александровича и Андрея Владимировича, член многих ученых обществ, русских и заграничных. Сотрудник немецкого ученого журнала.

Александр Панкин — выпуск 1893 г. — профессор Михайловской артиллерийской академии.

Сергей Шарпантьев — выпуск 1893 г. — профессор Михайловской артиллерийской академии.

Николай Коханов — 1895 г. выпуска — профессор инженерной академии.

Николай Каменщиков — выпуск 1899 г. — профессор С-Петербургского университета по кафедре астрономии и преподаватель Морского корпуса.

В 1911 г. представил свой труд Академии Наук, тема «Новая таблица планет». Член многих ученых обществ, русских и иностранных. Автор многих трудов в области астрономии.

Ф. Надь,
г. Омск.

Праздник

В Новом Уренгое казаки активно участвовали в общественной жизни города 1-3 мая, может быть, даже определяли ее. В Тюмени казаки напомнили о том, что они есть. 8 мая они собрались на свой Большой Круг, на котором было о чем поговорить и порассуждать. Он начался с молитвы (фото 1).

Потом было зачитано приветствие генерала А.И. Лебеда. На фотографии оно - в правом верхнем углу: «Тюменским казакам с пожеланием стоять за матушку Россию насмерть, жить своим, природным российским умом. С уважением, командующий 14 отдельной армией генерал-лейтенант А. Лебедь. 26.4.93 г.», (фото 2).

Круг проходил за закрытыми дверями, подводил итоги полутора лет работы казаков по возрождению России, карал отщепенцев, благодарил ревностных приверженцев казачества.

Одной из главных своих заслуг Круг признал вовлечение в дело возрождения России подрастающего поколения.

На снимке - войсковой старшина А.Е. Долгушин с воспитанниками школы-интерната № 4 г. Тюмени (фото 3).

Было объявлено об образовании Тюменского линейного казачьего войска.

9 мая казаки участвовали в торжественном шествии к братской могиле у ДК «Геолог», участвовали в возложении венков. Атаман полковник Г. Хмелев произнес траурную речь, над могилой умерших от ран в госпиталях Тюмени склонилось казацье знамя.

Праздник не сошел с неба: его подарили городу казаки, и длился он три дня — с 1 по 3 мая этого года.

С неба сошло Благословение. Его Преосвященство епископ Тобольский и Тюменский Димитрий прибыл в Новый Уренгой для освящения заложенного христианской общиной города православного храма. Оно проходило при почетном строе казаков. В покровители храма призван святой Георгий Победоносец (фото 1).

В эти же дни прошел Круг, объявивший о создании Новоуренгойского казачьего отдела; его образование, его знамя освящены епископом Димитрием. Святой отец доволен начинаниями местного казачества: создание христианской общины, закладка храма, создание казачьего формирования (фото 2).

Круг избрал атаманом войскового старшину Владимира Валентиновича Салтыкова (на фото 3 - в центре).

В заключение состоялся смотр сил казачьего отдела.

Всероссийское Геральдическое Общество (ВГО)

Это культурно-просветительская организация, объединяющая профессионалов и любителей геральдики, фалеристики, а также других родственных вспомогательных исторических дисциплин: нумизматики, генеалогии и т.д.

Основными задачами ВГО являются:

- возрождение и развитие отечественной геральдики;
- распространение и популяризация знаний по символике и эмблематике;
- содействие всевозможным видам коллекционирования с геральдической тематикой.

ВГО регулярно издает журнал «Гербовъдъ» с приложением на английском языке «The Russian Herald», газету «Геральдический вѣстникъ», а также выпускает множество видов продукции, тематически связанных с геральдикой: различные книги, буклеты, справочники, значки, открытки, календари и прочее. В состав ВГО структурно входит Геральдическая Коллегия, состоящая из высококвалифицированных специалистов мирового уровня. Геральдическая Коллегия выполняет роль авторитетного

директивного органа, который аккумулирует геральдическое наследие всех времен и народов, ведет его научно-аналитическое усвоение и обработку, творчески использует полученный потенциал в своих научных исследованиях, а также реализует накопленный опыт при создании новых гербов в их художественном воплощении. Геральдическая Коллегия считает одним из основных направлений своей деятельности создание и регистрацию новых гербов для отдельных лиц, причем не только граждан нашего отечества и лимитрофных новообразований, но и зарубежних стран. Мы создаем и регистрируем также гербы различных фирм, компаний, концернов, организаций, обществ, воинских частей и соединений и многие другие корпоративные эмблемы. Геральдическая Коллегия издает свой Гербовой Матрикул с изображениями и описаниями зарегистрированных в нем гербов.

Этот гербовник распространяется среди армигеров (владельцев гербов), других членов ВГО, также рассылается вместе с другой печатной продукцией по всему миру. Мы имеем тесные дружеские и деловые контакты со всеми существующими за рубежом геральдическими организациями. Геральдическая Коллегия пользуется высоким авторитетом и признанием не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами. Мы постоянно получаем заказы на геральдические услуги из-за рубежа, так как уровень нашей продукции не уступает, а часто и превосходит лучшие мировые образцы. Каждый кто пожелает участвовать в возрождении отечественной геральдики, а также получить и зарегистрировать свой личный герб или герб своей фирмы, может обратиться по адресу:

141170, Москва, Монино,
а/я 1, ВГО.

Журнал «Гербовъдъ»

В конце сентября 1992 года Всероссийское Геральдическое Общество (ВГО) выпустило в свет первый номер своего журнала «Гербовъдъ». Таким образом, после 78-летнего перерыва был возрожден один из популярных журналов прошлого и продолжена прерванная более чем на три четверти века традиция. Многие любители геральдики уже, вероятно, знают, что журнал с таким же названием выпускался в 1913-1914 годах известным русским геральдистом С.Н. Тройницким.

Редакция возрожденного «Гербовъда» постаралась сохранить многие характерные черты своего предшественника, его стиль и традиции. При этом, однако, новый журнал значительно превосходит по объему прежний (84 страницы вместо 20) и имеет к тому же много цветных иллюстраций (наружная и внутренняя стороны обложек и цветная вкладка на двух листах), чего в начале века, естественно, не было. Кроме того, на страницах журнала читатель встретит более сорока черно-белых иллюстраций. При подготовке первого номера редакция стремилась как можно больше разнообразить материал, охватывая самые разные аспекты государственной, городской и родовой геральдики, проблемы генеалогических исследований, тематическую информацию для коллекционеров-фалеристов и другое. Журнал содержит работы известных ученых: доктора исторических наук Н.А. Соболевой и кандидата философских наук Г.В. Ражнева, других специалистов по геральдике, генеалогии и родственным дисциплинам. Для коллекционеров-фалеристов наибольший интерес представит, разумеется, ретроспективная статья президента ВГО И.С. Сметанникова об истории так называемых «стандартных» гербов, тех знаменитых значков с городскими гербами, с которых, в сущности, и началось в 1968 году возрождение и развитие отечественной городской геральдики.

В ходе обсуждения и подготовки первого номера к печати было учтено также и то, что «Гербовъдъ» получат наши многочисленные

коллеги во многих странах мира. Вот почему было решено постоянно помещать в конце журнала специальное приложение на английском языке «The Russian Herald», как бы журнал в журнале. В первый номер этого приложения, по многочисленным просьбам наших зарубежных друзей, был включен полный текст описания Большого государственного герба Российской Империи, впервые в истории переведенный на английский язык. Есть там, разумеется, и краткий обзор содержания «Гербовъда». Мы надеемся, что наше английское приложение к журналу будет интересно не только для иностранных читателей, так как предоставляет редкую возможность познакомиться с весьма своеобразным англо-нормандским геральдическим языком, терминология которого восходит к средневековому периоду. Редакция будет стараться удовлетворять, хотя это и непросто, вкусам и потребностям самых разных наших читателей, от серьезных ученых до простых коллекционеров значков. Для этой цели наряду с научными статьями и исследованиями мы будем помещать в журнале разнообразную информацию для коллекционеров, будем организовывать курсы и конкурсы для начинающих геральдистов и вообще постараемся сделать «Гербовъдъ» привлекательным и интересным как можно большему числу людей, интересующихся историей, геральдикой, фалеристикой, генеалогией и другими родственными историческими дисциплинами. Чтобы регулярно получать журнал «Гербовъдъ», газету «Геральдический вѣстникъ», различные книги, буклеты, справочники, значки, открытки, календари и другой материал с геральдической тематикой, следует обратиться по адресу:

141170, Москва, Монино,
а/я 1, ВГО.

Добро пожаловать всем!

Миниатюры истории

Высочайшие телеграммы

На принесенные мною всеподданейшие поздравления Государю Императору и Государю Наследнику Цесаревичу с днем Тезоименитств, я имел счастье получить следующие телеграммы:

От Его Величества: «Передайте войскам и всем сословиям вверенного Вам края мою благодарность за поздравление, принесенное по случаю дня Моего Тезоименитства. Александр».

От Его Высочества: «Искренне благодарю войска, казаков и жителей Западной Сибири за поздравление.

Цесаревич Александр». О таком милостивом внимании Государя Императора и Государя наследника Цесаревича объявляю по Высочайше вверенному мне краю.

Подписал:

*Генерал-губернатор
Западной Сибири,
генерал-адъютант
Казнаков.*

«Тобольские губернские ведомости»,

Адрес редакции:
625000, г. Тюмень,
ул. Ленина, 65.

Телефоны:
26-36-05, 26-35-47

Цена 15 руб.

Отпечатано в типографии
АО «Слово Тюмени»

Редактор
Анатолий Васильев

Верстка выполнена
компьютерной группой
«Согласия»